

Поляна для пикника

Ветер Перемен

Неподалеку от костра накрыты праздничные столы. Любой желающий может подойти к ним и взять сладости, сэндвичи, яблоки, ячий сыр и другие закуски. На столах по-возможности представлены европейские снеки, но есть вероятность найти лунные пряники и другие местные лакомства. В больших термосах налит черный и зеленый чай, рядом с ними - кружки, в которые его можно разливать.

Столбы выставлены возле одной из нарядных елок. Возле них нет стульев, есть можно стоя или на сиденьях возле большого костра. Напротив столов находится ледяная скульптура в виде жар-птицы, её высота около двух метров. Вся поляна покрыта плотно утоптаным снегом.

Праздник начинается в 5 вечера и продлится до одиннадцати.

Каждый реальный вечер в течение недели постом Мастера будет отмечаться следующий час времени в каждой теме праздника. Очередность ходов не важна, но желательно учитывать это течение времени.

Юншэн Лю

Юншэн был знаком с католическим Рождеством, потому что его отмечали в поместье деда. По всем правилам, с елкой, подарками, носками на камине и печеньем для Санты. Идея отмечать этот праздник в Линь Ян Шо была странной, но интересной. И Юншэн понимал, почему сам праздник решили устраивать вне монастыря, хоть и считал, что после захода Солнца зимой в горах стоит лютый холод.

Он пришел на праздник в тренировочной форме монастыря и теплой куртке, не забыв захватить шарф и перчатки. Большой костер давал тепло, но не стоять же все время возле огня, чтобы не замерзнуть. Юншэн подошел к столам с закусками и налил себе горячий чай из термоса, после чего стал искать взглядом Янлин, которая должна была быть где-то возле своей семьи. Ему было интересно, как она воспримет такой праздник в горах. В такие места не ходят на лабутенах, но зато здесь могло быть очень уютно и весело.

На поляне становилось все больше народу, и это обещало веселый праздник. При этом Юншэн догадывался, что впереди будут какие-то показательные выступления.

Джун Мотидзуки

Оценив достоинства глентвейна, Джун отправился в сторону накрытых столов, надеясь где-нибудь в том районе обнаружить Доминику, но только вот вместо искомой девушки на горизонте объявилась малышка Кимико, которая не нашла ничего лучше, чем увязаться за ним. А ее родители, вместо того, чтобы отправиться за ребенком, похоже совершенно спокойно оставили дочку на его попечение,

наслаждаясь возможностью немного побыть наедине.

- Кими-тян, - присел он на корточки рядом с девочкой. - Не знаешь, чем себя занять? Давай договоримся так - я посажу тебя к себе на плечи, а ты не будешь безобразничать или пытаться воровать еду, поскольку я не знаю, что именно родители тебе разрешают есть.

Естественно, Кимико ничего ему не ответила, но выглядела малышка более чем довольной, так что Джун выполнил свое обещание, позволяя сестричке посмотреть на все происходящее с нового ракурса и немного поверещать от удовольствия. Естественно, с возможностью нормально перекусить ему пока приходилось распрощаться, но так он становился более заметным на случай, если Доминика сейчас его разыскивала. Хотя наличие у него неожиданно появившегося ребенка могло ее немного удивить, поскольку о таком опознавательном знаке они с ней не договаривались.

Янлин Чун

Мама настояла на том, чтобы в монастырь поехала вся семья. Кроме Айлин, которая теперь не приезжала из-за своего Чжоу Шоушэня, и, хотя раньше они и так нечасто кооперировались вместе, чтобы поехать в Линь Ян Шо, на этот раз было грустно без сестры. Но они приехали в монастырь вместе с Юншэном, это делало поездку не такой тоскливой. Они уже давно жили вместе, но в монастыре им приходилось спать в разных домах, что было ужасно несправедливо и даже жестоко, ведь она уже привыкла спать с Юншэном в обнимку. Но тут правила были неумолимы.

Янлин уже имела опыт печальных походов в горах, поэтому на этот раз оделась подобающе, перед тем как ехать выпросив у мамы очередную обновку. И теперь в новом зимнем комбинезоне ей никакой холод был не страшен, хотя она и так не думала, что замерзнет, рядом с Юншэном-то. В конце концов, никто не заставлял ее оставаться в горах на ночь, она могла вернуться обратно в теплый и уютный дом в монастырь, где есть кровать, электричество и горячая вода.

- Юншэн! - позвала Янлин, заметив его у одного из столов с закусками, и вся такая изящная в своем комбинезоне, впорхнула в объятия юноши, чуть не выбив у него их рук чашку с горячим чаем. - Что это у тебя? Фи, чай! Пойдем пить глинтвейн?

Маркус Агирре

Маркус не знал, хочет он идти на торжество по случаю наступления Рождества, или не хочет. Скорее второе, так как он не особо любил этот праздник. В его стране Рождество принято отмечать с семьёй. У него семьи не было. Бабка его ненавидела, потом вроде бы смирилась с его присутствием в их жизни, а отец вечно был на работе. Зато бабка постоянно таскала его в церковь на службу, но ему было скучно.

Сейчас он немного помогал с приготовлением к празднику, а потом решил снова спуститься в деревню, чтобы написать короткое сообщение отцу. Но выйдя за ворота монастыря почему-то пошёл на поляну. Притом шаг его был бодрый и уверенный, как будто он всегда хотел туда пойти.

На поляне собралось много людей, но среди них он увидел Джуна и Кимико. Подошёл к ним.

- Привет. Развлекаетесь? - он подмигнул своей племяннице и улыбнулся Джуну.

Юншэн Лю

Янлин показалась довольно быстро. Она была одета в теплый костюм, потому ей не должно было быть сильно холодно, несмотря на погоду.

- Привет, - Юншэн радостно улыбнулся девушке, затем обнял её и поцеловал в щеку. В конце концов, здесь был европейский праздник, и они были за пределами монастыря. - Если хочешь, пойдём пить глинтвейн, - ответил он.

Ему сейчас никто не стал бы запрещать алкоголь. При условии, что в монастырь он вернется на своих двоих, а до этого будет вести себя прилично. В Линь Ян Шо был сухой закон, но время от времени за пределами монастыря Юншэн позволял себе пить алкоголь. Особенно после важных переговоров в компании ключевых клиентов. Он знал, сколько можно выпить, чтобы себя контролировать, и поэтому не видел опасности в том, чтобы согреться ароматным глинтвейном.

- Пойдем к дальнему костру, или тебе принести сюда? - спросил Юншэн у девушки

Ветер Перемен

К угощениям начали подходить первые участники праздника, которым стоило обратить внимание еще и на то, что рядом готовились горячие блюда, которые помогут согреться среди снегов. Становилось все веселее и все более шумно, и праздник приближался к своему полноценному открытию.

Уже было шесть часов вечера. Солнце пока не садилось, лишь его лучи приобретали золотистый оттенок, какой бывает только вечером. Поляну окружали заснеженные горные склоны, здесь было красиво и в то же время очень уютно. Рождество на крыше мира было приключением само по себе.

Впереди ожидалось выступления мастеров, которые будут видны с любой точки поляны, так что тем, кто собрался возле столов с угощениями, стоило быть внимательными, чтобы не упустить ничего интересного.

Янлин Чун

Янлин довольно улыбнулась и прижалась щекой к плечу юноши, потому что успела по нему соскучиться, несмотря на то, что они виделись сегодня утром. Эта была та любовь, когда хочется проводить со своим избранником все свободное время, и каждая секунда расставания кажется мукой. Обычно в монастыре нужно было вести себя намного строже, но сегодня было отступление от всех строгих правил, даже вон, европейское Рождество можно было отметить, и от поцелуя в щеку никто бы вокруг не умер. И тем более от таких целомудренных объятий.

- Принеси, пожалуйста? - попросила Янлин, заглядывая в глаза Юншэну. Ей не

хотелось уходить от стола, а потом возвращаться, потому что тут были ее любимые сладости, которые такие вредные для фигуры, но такие приятно вкусные, что хочется слопать их все, и уж какую-нибудь печенку, а то и несколько, или кексик с начинкой она может себе позволить без вреда для фигуры, потом просто еще раз сходит в тренажерный зал на дорожку, когда вернется в Пекин.

Янлин не так часто пила, скорее, очень редко, но алкоголь, даже немного, всегда давали ей почувствовать себя чуточку взрослее, чем всегда, мол, это же так круто, что уже можно пить настоящий глинтвейн, и никто не скажет слова против. Потому что она уже совершеннолетняя, и не ученица в монастыре. на поляне неподалеку были еще папа с мамой, но они были заняты друг другом, поэтому можно было не опасаться, что они заметят.

Джун Мотидзуки

Не успел Джун немного уговорить развеселившуюся Кимиико, как рядом появилось знакомое лицо мужского пола, а точнее, Маркус, которого он был рад увидеть на общей вечеринке. Из-за семейных проблем парень часто выглядел загруженным, и его желание принять участие в общем веселье говорило, что у него, наконец, все начало налаживаться. По крайней мере для себя Джун сделал именно такой вывод.

- Привет, развлекается у нас здесь Кими-тян, а я неожиданно заделался в няньки. Не хочешь составить мне компанию и поработать большой продвинутой игрушкой?

Хотя у Джуна и были на этот вечер собственные планы, он не имел ничего против недолгой возни в двоюродной сестренкой. Дяде и Яреци стоило побыть немного вдвоем, ну а Кимиико была вполне себе покладистым ребенком, не устраивающим разрушений больше, чем следовало. А теперь, с появлением Маркуса, которого малышка выбрала новым объектом своего интереса, сам он мог немного расслабиться и наметить те угощения, что стоит попробовать в первую очередь, после того, как Кими перестанет сидеть на его плечах и пытаться дернуть двоюродного дядю за волосы.

Юншэн Лю

- Да, конечно, - Юншэн кивнул и отправился к маленькому костру, чтобы взять там глинтвейн себе и Янлин.

В это время начались выступления, и с неба посыпался снег. Юншэн увидел отца, чуть поклонился ему. но затем вернулся к столам, стараясь хоть как-то прикрыть горячий напиток от снежных хлопьев. Он протянул Янлин одну из двух кружек, от которых вкусно пахло фруктами и специями.

- С Рождеством, - сказал Юншэн и чуть приподнял свою кружку с глинтвейном, глядя на то, как падает снег.

В это время на поляне появился созданный из снега персонаж, который то ли развлекал, то ли пугал детей. Юншэн смотрел за ним с интересом, потому что понимал, что в таком виде Николай использовал магию Воды. Это была сложная и тонкая работа, требовавшая огромной концентрации и кучи энергии. Но она была очень интересной, и Юншэн не мог оторваться от зрелища. Ему бы в голову не

пришло так работать со стихийной магией Воды. И неизвестно, использовался ли здесь еще и телекинез.

Ветер Перемен

Было уже восемь часов вечера, и на поляну приехал сифу Урс в роли Санты. Можно подойти к нему и взять себе подарок из большого красного мешка. А те, кто участвовал в Новомодном слоне, именно у этого костра могут передать свои подарки. Эта задача для некоторых могла оказаться сложной, но ведь Рождество - это всегда начало чего-то нового. Мало кто подходил к закускам и барбекю, а ведь на костре готовили горячие каштаны, овощи, курицу и стейки. Зимней новью эти блюда могли помочь согреться.

Солнце начинало ползти к горизонту, и вот-вот оранжевый закат сменится сумерками и ночной темнотой. Небо было все таким же чистым, не считая прошедшего силами магов Воды снега. Ночь обещала быть лунной. Временами налетал холодный ветер, но он не задерживался надолго, и его могли отогнать глинтвейн, пламя костра и горячий чай.

На поляне собиралось все больше людей. Не все из них были европейцами, для некоторых это Рождество было интересным опытом постижения чужой культуры.

Сигрун Хилмарсдоттир

Сигрун со своим печеньем и подарком для тайного Санты появилась на поляне уже после заката.

На поляне была уже толпа народа: все ходили туда-сюда, пили, ели, смеялись, разговаривали. Сигрун заметила Санта -Клауса; ошибиться было невозможно: его изображал сифу Урс. На мгновение Сигрун задумалась: кого из тринадцати йольских троллей он изображает, но сразу одернула себя: нечего умничать.

Она прошла немного вперед и, подняв мешок с печеньем, заорала:

- Эй! Кто хочет овсяного печенья? Самое то для Йоля! На Йоль полагается загадывать желание, есть печенье и запивать... - пива здесь точно не предложат, и Сигрун неловко закончила: - чем-нибудь.

Анастасия Полякова

Сведения о том, что на какой-то там поляне будут Рождество праздновать, пролетела как-то мимо Насти, которая в это самое время выпрашивала занятие по каллиграфии. Однако к вечеру девушка заметила, что куда-то все тянутся с упрямством истинных Овнов. Тут-то она и вспомнила, что вообще-то да, праздник. И ничего странного, что люди спешат праздновать и веселиться. Настя тоже решила поторопиться: подхватила подарок, предназначавшийся одному из тайных Сант, и побежала на поляну. По дороге успела подумать, просить ли за подарок стих, или не мучить человека.

Какая-то девушка (скорее даже девочка) раздавала овсяное печенье. Настя, радостно улыбаясь, подскочила к ней и выхватила несколько. Тут же надкусила

одно, изобразила небольшой поклон и произнесла:

- Спасибо. Thank you. Merci. Arigato gozaimas.

Так как банально не знала, на каком из языков говорит незнакомка. Огляделась еще раз и заметила две знакомые макушки. Маркус и рядом с ним - Кимико, которая сидит на плечах смутно знакомого парня. Настя точно видела его временами, и, приглядевшись, девушка поняла, что это был Джун Мотидзуки, которому ей и требовалось вручить подарок.

Приветливо улыбаясь, Настя подошла ближе.

- Маркус, привет, - она коротко обняла парня и перевела взгляд на Кимико. - И тебе привет. Надеюсь, ты не станешь вместо песка кидать в меня снег. А ты Джун, да? - чисто формальности ради поинтересовалась Настя и протянула ему небольшой сверток. - Это тебе, с Рождеством.

Над подарком Настя долго не думала. Просто вспомнила, с чем у нее ассоциировалось (вполне оправданно) имя Джуна. И выбрала книгу Дж. Пристли "31 июня". А сейчас, стоя перед Маркусом, поняла, что ни для него, ни для Кимико у нее ничего и нет. Неловко улыбнулась и предложила:

- Печенья не хотите?

Джун Мотидзуки

Этот вечер преподнес немало сюрпризов. То на поляне стараниями Лю Яна пошел снег, то всех, особенно малышку Кимико, удивил оживший снеговик, а то мастера, включая его собственного дядю, продемонстрировали необычные формы работы с мечами. Но больше всего Джуна зацепило появление мастера Урса, представшего перед всеми в роли Санты, с которой тот справился более чем успешно, продемонстрировав таланты, ранее не известные широкому кругу лиц.

Помимо запоминающегося появления Санта местного разлива предложил всем расхватывать подарки, что Джун и не замедлил сделать, поскольку Кимико к этому моменту уже была передана в надежные руки. Не то, чтобы он остро нуждался в каких-нибудь сладостях или сувенирах, но в этом процессе вытаскивания подарка из мешка было что-то завораживающее, позволяющее почувствовать себя лет так на пятнадцать моложе, поэтому в "мешок изобилия" юноша умудрился нырнуть одним из первых.

Естественно, Джун не удержался и сразу решил выяснить, что именно ему досталось, разорвав зеленую упаковочную бумагу и обнаружив коробку и имбирным печеньем. Доставшийся ему подарок молодой человек посчитал просто отличным. При желании, со своим телосложением он легко мог позволить себе безнаказанно опустошить несколько таких коробок подряд, но в его планы входило немного иное - съесть это печенье в хорошей компании, благо такая, на его счастье, обычно обнаруживалась достаточно легко.

Маркус Агирре

Кимико стала играть с его волосами, и он почему-то не сопротивлялся, позволяя маленькой озорнице тянуть его волосы и пробовать их на вкус. Хотя нет, на вкус лучше не стоит пробовать. Он осторожно перехватил руку девочки и посмотрел в её глаза. И легонько качнул головой, мол, не стоит это делать. Девочка показала ему

язык и достаточно больно схватила за волосы, а потом вдруг резко засмеялась и завизжала от восторга. Маркус слегка встрепнулся и проследил за её взглядом.

Впрочем, на снег и на ожившего снеговика он не обращал никакого внимания - снегом его нельзя было удивить, а к ожившему снеговiku он стоял спиной. А вот появление одного из мастеров в образе Санты и понравилось Кимико, что она захотела пойти к нему. Джун снял её с плеч, а Маркус взял племянницу за руку, удивившись, что девочка сама подала ему руку.

Только он хотел отправиться к Санте вслед за Джуном, как на их пути возникла Анастасия, с которой он долгое время не пересекался и по которой очень соскучился. Он обнял её в ответ.

- С Рождеством, хотя для тебя это не очень актуальный праздник, ведь так? - Он часто бывал в России и знал как там празднуют и что празднуют. И Рождество 25го декабря не было в списке праздников. Только у католиков, которых меньше, чем православных. Впрочем, это совершенно к делу не относится.

Настя тоже участвовала в безобразии со Слоном, в котором он непонятно как оказался, и она пошла Джуну дарить подарок. А Маркуса Кимико потянула к Санте, чтобы выпросить у него подарок. Пришлось идти, хотя молодой человек не особо любил все это. Хотя, признаться, это было очень красиво и создавало ощущение какого-то волшебства.

Кимико достался вязаный шарф, а Маркусу попались варежки с вшитыми на них оениями. Девочка забрала у него подарок и побежала к маме и папе хвастаться своим трофеями. А Маркус, убедившись, что девочка добежала до пункта назначения, направился искать Эвелину Кейтлин Старк, которой он должен был подарить подарок.

Найдя девушку, он вручил ей небольшой сверток, в котором была книга Сервантеса "Дон Кихот" на английском языке.

- С Рождеством! - сказал он, поклонился и, посчитав свою задачу выполненной, направился дальше.

Сигрун Хилмарсдоттир

Сигрун улыбнулась невысокой девушке, взявшей у нее печенье, и ответила:

- Any time. Бу чжиде ксексе, - добавила она неуверенно, и пояснила: - тренируюсь по китайски. А то нехорошо получается.

Оставив печенье рядом с закусками, она огляделась по сторонам.

Харольд Урс раздавал подарки. Компашка жарила зефирки на костре. Кто-то возился с ледяными скульптурами. Кто-то вручал подарки сам. Все сновали туда и сюда, улыбались, смеялись, пели песни... Одним словом, настоящий Йоль!

"Так, мне нужно найти Николаса Уайта, - сказала себе Сигрун. - Что-то я его здесь не

вижу..."

И Сигрун захихикала. Вообще-то, она этого Николаса пока ещё ни разу не видела. Или видела, да не знала, что это именно Николас.

Сигрун направилась к первому европейцу, который попался ей на глаза - среднего роста красавчику (*Маркус Агирре*), с которым недавно обнималась невысокая яркоглазая девушка, что взяла у исландки печеньку (*Анастасия Полякова*).

- Привет, - обратилась к нему Сигрун. - Ты не Николас Уайт?

Доминика Лакруа

Вообще-то Доминика договаривалась и честно надеялась встретиться с Джуном ещё в самом начале пикника. Но в какой-то момент, и не понять даже толком, в какой именно, все пошло наперекосяк. То ли Доминика долго собиралась - хотя эту мысль девушка с негодованием отметала, собиралась она ничуть не дольше положенного, - то ли долго готовилась к новомуднему слону и собирала подарок, то ли зря решила дойти до поляны вместе с Эвой, которая со своими праздничными выдумками копалась как распоследняя клуша. Критическим стало явно что-то из этого, а может, и все сразу вместе. И в итоге до места празднования Доминика добралась только когда праздник уже шёл больше часа, обитатели успели совершить знатный набег на котёл с глинтвейном и неплохо проредила запасы согревающего напитка, мастера вовсю демонстрировали свое высокое искусство, участники новогоднего слона уже начинали потихоньку меняться подарками, а Джун наверняка десять раз пожалел, что связался с такой необязательной девицей, и, возможно, уже даже подобрал себе другую. Последнее-то Доминику и тревожило - без глинтвейна она в случае чего переживёт, без выступлений мастеров тем более, с новымднем слоном как-нибудь подмажет и все решит, если все же умудрится безнадёжно опоздать, а вот праздновать без Джуна ей не хотелось совершенно. Так праздник сразу терял добрых семьдесят процентов своей привлекательности, причём самых лучших.

Предположение о других женщинах, по счастью, пока вроде бы не сбывалось - быстро отыскав Джуна взглядом, Доминика обнаружила его увлечённо инспектирующим рождественский мешок с подарками. Пока же девушка шла через поляну, Джун успел добыть себе один подарок и вовсю его потрошил. Даже как-то не хотелось его, такого увлеченного прерывать, и Доминика остановилась в нескольких шагах, с нежностью наблюдая за тем, как Джун ловко размазывает оберточную бумагу.

Или на шею бы к нему броситься - да сквозь эти проклятые зимние куртки и не обнимешься как следует.

Весна Петрович

Весна праздновала Рождество, но не в конце декабря, а 7 января, как все православные. Она не была религиозной, просто так было принято в её окружении. Запекали утку или индейку, пекли специальный хлеб и собирались всей семьей за столом. Весна не могла сказать, что была сильно привязана к родне, окружавшей её в детстве, но ощущение праздника было всегда.

В Линь Ян Шо все было особенным. Начиная с того, что на Рождество устроили пикник высоко в горах. Маги Воды создали настоящий снег, Николай оживил

снеговика, и были выступления с оружием и стихийной магией. Но Весне больше нравилась сама атмосфера общего праздника, именно поэтому она хотела участвовать в обмене подарками.

Ей досталась Ломэхонгва - совсем молодая девушка, попавшая в Линь Ян Шо с другого конца света. Весна долго думала над тем, что ей подарить, чтобы этот подарок был приятным а, возможно, и полезным. В итоге она остановила свой выбор на книге. Это было издание "Бегущей с волками" Клариссы Эстес на английском языке. Книга была небольшого формата, но в твердом переплете. Подарок знахарка убрала в бумажный пакет с рождественским рисунком. Она нашла Ломэхонгву на поляне и подошла к девушке.

- Привет, - произнесла Весна с дружелюбной улыбкой. - Счастливого Рождества, это тебе, - сказала знахарка и вручила девушке пакет.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн никогда прежде не участвовал в праздновании европейского Рождества, хоть и немало слышал об этом празднике. Он старался больше узнать о европейских традициях, но понимал, что тот пикник, который устраивали в Линь Ян Шо, был скорее стилизацией, чем каноническим торжеством. Но все равно было уютно, интересно и красиво. Сонгцэн внимательно смотрел на выступления магов Воды, потому что они были более опытными, чем он, хоть принц Кобр и достиг уровня мастера в работе с этой стихией.

В разгар праздника появился сифу Урс, который изображал Санту-Клауса и даже привез для всех подарки. Сонгцэн заметил среди участников праздника девушку, которая только недавно появилась в монастыре. Её звали Сигрун, но её фамилию он никак не мог запомнить. Впрочем, чья бы корова мычала.

Сонгцэн стал искать среди гостей праздника Ингу, потому что ему выпало дарить подарок именно ей. Он выбирал что-нибудь такое, что могло бы стать сувениром из родного для него Непала, и при этом оказаться полезным в монастыре. Сонгцэн выбрал гималайский платок с зеленым растительным орнаментом на лиловом фоне. Эти шерстяные платки в Непале носили и мужчины, и женщины. Высоко в горах бывало очень холодно, еще холоднее, чем сегодня на этой поляне. Гималайские платки были тонкими, но очень теплыми, и носили их и мужчины, и женщины.

- Привет, - сказал Сонгцэн, когда отыскал Ингу, он вежливо поклонился и улыбнулся.
- С Рождеством, это тебе, - он вручил девушке бумажный пакет, в котором лежал аккуратно сложенный платок.

Дин Ху

Дин не смог не рассмеяться, когда показалась повозка с сифу Урсом в роли Санты. Это было зрелищно. И Санта был даже похож на Санту, и на первый взгляд трезв. Дин вышел на поляну и, когда до него дошла очередь, достал из мешка подарок. Ему достались ярко-красные вязанные рукавицы, которые даже подходили ему по размеру.

Дальше нужно было найти Доминику, и Дин быстро увидел её среди участников

праздника. Только она подошла к Джуну и, возможно, была занята. Дин убрал рукавицы в карман куртки, после чего все-таки направился в сторону Доминики. Он пытался понять, не сильно ли помешает со своим поздравлением. Он выбирал подарок наугад, с Доминикой они общались только на общих трапезах и собраниях и практически не были знакомы, но он замечал, что она часто бывала на занятиях по боевым искусствам. В итоге Дин выбрал подарок из тех, которые обычно не дарят девушкам, но который ему казался наиболее подходящим. Это был керамбит - короткий изогнутый нож. В качестве сувенира их делали с разноцветными лезвиями и рукоятями, но тот нож, что лежал в небольшой красной коробке, перевязанной золотой лентой, внешне был вполне обычным: стальной клинок и черная рукоять. Зато он было достаточно прочным, если вдруг пригодится в бою или в быту.

- Привет, - сказал Дин Доминике. - Мне выпало дарить подарок тебе. Вот, держи, с Рождеством, - сказал он и протянул Доминике коробочку.

Эрик Адлер

Харольд в роли Санты был фееричен. Эрик отошел от костра на поляну, где собирались те, кому предстояло обменяться подарками по итогам тайного Санты. Он искал Артёма, который достался ему. Эрик еще со времен учебы в колледже любил эту рождественскую забаву: не знаешь, что подарят тебе, и как воспримут твой подарок, но приходится что-то узнавать о человеке, чтобы подобрать нечто подходящее.

Артем казался Эрику человеком себе на уме. Такие стараются идти по жизни как можно увереннее, хоть на самом деле боятся оступиться. Он привык много работать над собой, наверняка все время держал в голове какие-то серьезные цели и реально старался их достичь. Он был еще молод, но уже давно вырос из подросткового возраста. И время от времени где-то немного напоминал Эрику его самого в более молодом возрасте. Когда он развивал свою сеть спортивных магазинов и запрещал себе сомневаться в том, что справится. Сейчас этот бизнес приносил стабильный доход под руководством опытных управляющих, не мешая Адлеру уезжать на Тибет, но когда-то это был настоящий марафон.

Отыскав Артёма, Эрик подошел к нему и вручил подарочный пакет, в котором лежали ежедневник на будущий год в удобном переплете из искусственной кожи и перьевая ручка.

- Счастливого Рождества, - улыбнулся Адлер. - И удачи в наступающем году.

Юэ Шэ

После выступления Юэ ждала, что будет дальше. Она не пошла к костру с глинтвейном, потому что не пила алкоголь, и вместо этого осталась у столов с закусками и налила себе горячий зеленый чай. Она могла согреться и с помощью магии Огня, но все равно было приятно пить горячий напиток на таком холоде.

Появился сифу Урс на санях, запряженных яками. Это был, пожалуй, самый яркий момент сегодняшнего вечера. А потом было объявлено, что можно вручать подарки тем, кто достался в новогоднем слоне. Юэ выбирала подарок для Курука. Они давно не общались, у них не было общих тем, но в то же время девушка хотела, чтобы её

подарок пришелся ему по душе. Курук был магом Воды, много лет жил в Линь Ян Шо и все время, как казалось Юэ, усложнял себе жизнь излишней рефлексией. В подарок Куруку Юэ выбрала небольшую медную поющую чашу, на дне которой были изображены две рыбки, которые складывались в знак Дао. Также в подарочном пакете лежал стик, с помощью которого чашу можно было завести.

Девушка отыскала Курука в толпе, подошла к нему и вежливо поклонилась.

- Привет, это тебе, - сказала она и вручила подарочный пакет. - Счастливого Рождества.

Ши Ньюо

Католическое Рождество было плохо знакомо Ньюо, но ему было интересно больше узнать об этом празднике и погрузиться в его атмосферу. Поэтому Ньюо даже решил принять участие в обмене подарками. В начале вечера он просто прохаживался по поляне, смотрел выступления и с интересом наблюдал за появлением саней с яками, на которых приехал Харольд Урс. Насколько знал Ньюо, в оригинале Санту Клауса возили олени. Здесь из их родичей водились только кабарги, но они просто не довели бы крупного человека, еще и вместе с санями и мешком подарков.

Ньюо искал японского мастера Тору, который демонстрировал владение катаной, сражаясь с градом. Именно ему старший мастер должен был вручить подарок. Ньюо даже немного удивился, что серьезный Тору Мотидзуки решил принять участие в этом обмене поздравлениями, но у него могли быть свои мотивы, как и у самого Ньюо.

Выбрать подарок было непросто. Тору преподавал японские боевые искусства, сам он бы женат, и у него была маленькая дочь. В итоге Ньюо решил воспользоваться тем, что католическое Рождество было задолго до лунного Нового Года, и сделал традиционное украшение для дома, которое вывешивалось в Китае в новогодние праздники - парные надписи. Ньюо был искусным каллиграфом и подошел к созданию подарка со всем старанием, парные надписи гласили:

- Благодатный снег проводит зиму и избавит от былых бед
- Весной расцветут персики и принесут радость и благополучие

Оба плаката были свернуты в свитки, которые Ньюо сложил в подарочный пакет. Он подошел к Тору и вежливо поклонился.

- Поздравляю вас с Рождеством, для меня честь дарить вам подарок в этот день, - сказал старший мастер и двумя руками протянул Тору подарочный пакет. - Я желаю благополучия вам и вашей семье.

Яшви Садхир

О празднике Рождества, как и о человеке, которому ей предстояло дарить подарок (Яшви до последнего сомневалась, что это делать стоит, но решила все же рискнуть), девушка не знала ровным счетом ничего, поэтому ей даже потребовалось у кого-то спросить, кто такой Ян Рей и как он выглядит, чтобы иметь представление, с кем она имеет дело. Знакомиться в последние дни перед праздником и начинать

выяснять, что юноше нравится, чтобы решить, что это будет за подарок, было бы уже совсем подозрительно, учитывая таинственность этого странного ритуала под названием новогодний слон - почему именно слон? почему не як, не кабарга, не тигр и не собака? Купить что-то дорогое, что бы наверняка пришлось по душе, Яшви ну никак не могла ввиду отсутствия собственных больших денежных средств, но могла сделать что-то руками, уповая на то, что дорог не подарок, а дорого внимание. Осложнялось дело тем, что осталось только решить, что именно дарить, что она могла бы сделать сама.

Яшви не думала, что ей придется идти в горы на праздничную поляну, но именно там собирались все те, кто хотел отметить этот праздник, и наверняка среди них был и тот, кому предназначался вышитый яркими шелковыми нитями тканевый мешок, внутри которых лежали четки из костей яка и семечек лотоса. Кости яка она добыла в деревне, своими руками вырезала из них круглые бусины, а семечки лотоса - в мастерской, где их было немного, но их количества хватило для того, чтобы четки получились на 27 бусин.

Она искала взглядом необходимого ей человека, увидела Садхира-джи и поклонилась ему, а потом все-таки нашла того, кого ей было надо, и отправилась к нему.

- Здравствуй, - она традиционно поклонилась. - Поздравляю, - и без лишних слов протянула Яну Рею мешочек с четками.

Констанция Моро

Участвовать в Новогоднем Слоне Констанция вызвалась одной из первых и с восторгом. Её ещё на родине максимально увлекал Тайный Санта, и даже жаль было, что такое прелюбопытственное мероприятие проходит только раз в год. Моро опрометчиво полагала, что в монастыре ничего подобного не предвидится — ан нет, почти все то же самое, только с небольшими изменениями. Ну как такое событие пропустить мимо себя, ну никак нельзя же. Самым сложным оказалось дождаться, когда же наконец распределят одаряемых. А дождавшись, Констанция немедленно обхватила голову руками и принялась напряжённо думать.

С Сонгцэном девушка знакома была более чем шапочно — так, несколько раз мельком виделись на территории монастыря и ничего кроме. Констанция умудрилась аккуратно, не вызвав никаких подозрений, порасспрашивать о Сонгцэне у Дарсии, но это, в общем, тоже ничего ей толком не дало. По всему выходило, что дарить придётся что-то сувенирно-нейтральное, и Моро от такой необходимости страдала, считая, что подобный подарок будет халтурой. Но, когда она, уже начиная понемногу подвывать от безысходности, по десятому кругу обшаривала все лавки в деревне, ей на глаза попался дракон и с первого же взгляда доступно объяснил, что дарить надо именно его и никого кроме. С длинным телом, больше похожий на мощную змею, чем на дракона в европейском представлении, с красно-синей чешуей, покрашенной так ловко, что, казалось, она переливается из алого в темно-синий и обратно, да ещё и запрятанный в бутылку. До этого в бутылках Констанция видела только корабли, поэтому изысканно оформленным драконом очаровалась сразу.

Его же в любом случае будет наверняка приятно поставить на полку, вот уже и поздно.

На поляне, где уже начали вовсю собираться участники Новогоднего Слона, а потому становилось толпливо, Констанция, которая ещё и нетвердо знала Сонгцэна в лицо, увидела своего одаряемого не сразу. Ей потребовалось даже неприлично большое время на то, чтобы наконец выглядеть юношу и рвануть к нему со своим подарком и с упреждающим возгласом: — Здравствуй, Сонгцэн! С Новым Годом тебя! В плане, с Рождеством! В общем, поздравляю. Всех благ! Это тебе, — многословно поздравила Констанция и протянула Сонгцэну красиво упакованные по отдельности бутылку и подставку, в целях большей эффектности вручения водруженные на поднос. Дарить ещё и поднос Констанция не планировала, но с ним вполне можно было сделать ещё что-нибудь полезное. Например, бить в него, как в бубен.

Маркус Агирре

Маркус не особо понял, как так получилось, что он согласился участвовать в этом безобразии под названием "Новогодний Санта". Хотя здесь он был "Слоном". Но суть от этого не менялась. Когда-то давно Маркус участвовал в этом безобразии, но тогда он остался без подарка. Было не то, чтобы обидно, просто забавно, что из всех участников подарок не получил именно он.

Над подарком для нынешнего мероприятия он долго думал, гуляя по рынку. Ему хотелось подарить девушке что-то полезное, но везде были либо дорогие украшения, либо бесполезные безделушки. А потом он увидел лавку гончара и зашел туда. Долго рассматривал предметы и купил небольшую глиняную вазочку, в которую можно поставить маленький цветочек. Девчонки же любят цветочки.

На полянке уже была толпа людей, и Маркус нашел нужную ему девушку, Эву Кейтилиин Старк. Улыбнулся и протянул ей сверток.

- Привет. С Рождеством тебя! - сказал он. А потом к нему подошла другая девушка, новенькая. - Привет. Нет, я не Николас. Это вон там, в толпе. Меня Маркус зовут, - он улыбнулся.

Яреци Фернандез

Идея провести Рождественского слона, когда разные люди обмениваются подарками и ты не знаешь, кто и что тебе подарит, была воспринята с энтузиазмом многими обитателями монастыря. И Яри тоже решила поучаствовать в этом деле.

Над подарком она думала достаточно долгое время, так как ей выпала честь дарить подарок знахарке, которая просила себя называть тетушка Весна. О ней девушка знала не очень много, но гуляя по рынку, увидела четки из нефрита. Они были дороже, чем остальные четки, но девушка подумала, что тетушке Весне, раз она еще и шаман, да и достигла такого почтенного, по сравнению с самой Яри, возраста, эти четки пригодятся, чтобы общаться с духами.

Найдя в общей толпе знахарку, которая уже кому-то что-то подарила, девушка робко подошла к ней и смущенно улыбнулась и протянула небольшой подарочный

пакетик, который сделала сама из картона и фольги. На пакете с одной стороны была нарисована елочка, а с другой - надпись "С Рождеством!".

- Здравствуйте, сифу Петрович, я поздравляю Вас с Рождеством и желаю крепкого здоровья и благополучия.

Тору Мотидзуки

Участвовать в обмене подарками с людьми, не являющимися членами его семьи, Тору изначально не собирался. Но попав под влияние жены, с энтузиазмом ухватившейся за это дело, недостаточно четко высказался по этому вопросу и, в итоге, попал в список желающих. Согласно загадочной жеребьевке подарок он должен был вручать девушке по имени Катара, с которой как-то пересекался при достаточно странных обстоятельствах, ведь не каждый день тебя пытаются спасти от попытки самоубийства, когда ничего подобного ты делать и не собирался. И поскольку о ней он ничего толком не знал, пришлось потратить время на сбор информации, девяносто девять процентов из которой показалось Тору бесполезной.

Наконец, его ухо зацепилось за знакомое слово "тессен", и мужчина, посчитав, что на этом можно и остановиться, порылся в своей личной библиотеке и вытащил из нее очень редкую книгу, посвященную истории развития тессен-дзюцу. Эта книга содержала много полезной информации, а также отличные рисунки и фотографии, и могла помочь человеку, начинающему серьезно работать с боевым веером, но с одной оговоркой - она была на японском. Наверняка Катара не знала японского, но, по мнению Тору, при желании она всегда могла попросить кого-нибудь помочь ей с переводом, так что напрягаться из-за этого он даже не стал.

Сам он не задумывался о подарочной упаковке, но благодаря вмешательству Яреци книга все же была завернута в красивую яркую бумагу. Так что к моменту, когда Тору нашел на празднике Катару, его подарок выглядел вполне себе презентабельно.

- С Рождеством, - мужчина протянул упакованную книгу девушке, поклонился и вернулся к семье. Он не любил долгие поздравительные речи, и считал, что подарок и так все прекрасно скажет за него.

Джун Мотидзуки

Про "слона" и подарки Джун слышал впервые, но сама идея показалась ему занятной, поэтому он с удовольствием согласился принять участие в этом веселье. И, как выяснилось, поздравлять его выпало милой девушке, которую он как-то видел на мастер-классе по созданию воздушных змеев. Подарок Джун принял с благодарностью. Книгу "31 июня" он никогда не читал и был рад расширить свой кругозор, поскольку в японской литературе, по понятным причинам, разбирался намного лучше, чем в зарубежной.

Самому ему досталось дарить подарок одной из своих пропавших "жен". С Дженнифер, несмотря на то, что она была его партнершей в одной из постановок, Джун общался мало, поэтому задача подобрать что-нибудь "со смыслом" оказалась не такой и простой. Да еще и эта история с легендой о Пастухе и Ткачихе постоянно приходила ему в голову, так что молодой человек решил подойти к вопросу

практично - взять одного из сделанных ранее деревянных журавликов и доработать его так, чтобы было не стыдно дарить изделие собственного изготовления. Причина его выбора была проста - журавли часто выступали символом любви и семейного счастья, так что своим подарком Джун хотел пожелать девушке отсутствия проблем, подобных проблемам ее героини. Журавлика он упаковал в небольшую коробку, подходящую по размерам, и обернул сверху подарочной бумагой с изображенными на ней снежинками, придавая подарку вполне себе рождественский вид.

- Привет, Дженнифер, - найти девушку не составило особого труда. - С Рождеством! Это тебе. Надеюсь, понравится.

Джун вручил подарок и, долго не задерживаясь, отправился по своим делам. Праздник был в самом разгаре, и молодой человек планировал до его окончания переделать еще десяток всевозможных вещей.

Джун Мотидзуки

Праздник можно было бы считать вполне удавшимся. Вокруг царил веселье, все обменивались подарками и явно получали удовольствие от всего происходящего, но лично для Джун все происходящее омрачалось одним фактом - он так и не нашел Доминику. За время ожидания он успел уже и выпить, и перекусить, и поиграть роль няньки... А девушка, на которую у него была целая куча планов, так и не появлялась. Джун уже даже успел раздобыть печенье, которое хотел бы с ней разделить, и в очередной раз, уже без особой надежды, посмотрел по сторонам, как вдруг его взгляд зацепился за знакомое лицо, которое он уже боялся сегодня и не увидеть.

- Нашлась пропажа, - Джун подошел и сразу взял девушку за руку, чтобы лишить ту возможности снова исчезнуть. - Ты, наверное, голодная? Пойдем возьмем тебе подарок, а затем надо будет активно наверстывать упущенное. А то времени остается не так и много, а я еще даже зефирки не пробовал, ждал тебя. Если что, петь не буду, иначе распугаю всю округу, поскольку музыкальных талантов лишен напрочь.

Появление Доминики сразу подняло его настроение на максимум, рождая в голове все новые планы, к реализации которых он и собирался поступить сразу после того, как девушка немного отойдет от его напора.

Эстер Хоук

Эстер немного стеснялась, отыскивая на поляне Эйнара, потому что волновалась, что ее подарок ему не придется по душе. Она никогда с ним не общалась, зато его немного знала Дарсия, а она порасспрашивала о нем своего молодого человека, Стефано, который жил с Эйнаром в одной комнате. Таким образом, Эстер выяснила две важные вещи - Эйнар любит рисовать, и у него не очень хорошее зрение, но если со вторым Эстер ничего не могла сделать, как только вид, что об этом она не догадывается, чтобы Эйнар не чувствовал проявления жалости к себе со стороны окружающих, то вот на первом можно было сыграть. Разве что сама Эстер не очень хорошо рисовала, и поэтому мало разбиралась в этом виде искусства. Зато ей повезло, что она почти перед самым Рождеством вернулась из родного дома, где приставала ко всем и каждому с вопросами о том, что будет лучше подарить, и комплексным разумом со старшими братьями сошлась на небольшом наборе для

каллиграфии из трех кистей, сухой туши, и всего того, что обычно содержится в таких наборах - камне для растирки, держателе и чернильнице. И все это было в футляре, обшитом зеленым шелком. Набор Эстер купила в Пекине на обратном пути в монастырь.

- Эйнар? - позвала девушка, когда, наконец, отыскала его на поляне и приблизилась настолько, чтобы можно было вручить ему подарок. - Эйнар, это тебе! Счастливого Рождества!

Она любила Рождество и любила дарить подарки, но всегда неизбежно волновалась о том, правильно ли она выбрала то, что может понравиться человеку, или ужасно не угадала, и подарок примут только из вежливости, но на самом деле он окажется бесполезен и не нужен. И поэтому она не уходила, чтобы дожидаться реакции юноши на подарок, да и ей просто некуда было пока больше идти, хотя она и видела, что можно подойти к Санте, чтобы получить какой-то милый сувенир из его необъятного мешка. Сифу Урс выглядел очень колоритно в этой шапочке и повозке, запряженной яками, а не оленями, но все равно это было здорово и весело.

Сигрун Хилмарсдоттир

- Привет, Маркус! И тебя с Йолем! - улыбнулась ответ Сигрун. - Я Сигрун. В монастыре недавно совсем, и сразу на праздник попала...

Сигрун прищурилась, рассматривая праздничную толпу вокруг.

- Ладно, пойду дальше искать Николаса... Я печеньки пекла, - Сигрун кивнула головой в сторону угощения. Наслаждайся...

И она побрела по поляне дальше.

Вообще-то делать подарок для совсем незнакомого человека весьма сложно. Книжку дарить - ну, во-первых, кто знает, что этот Ник любит, а во-вторых, может, у него такая уже есть? Шарфик связать? Не успела, да и глупо как-то. Так что над подарком для Таинственного и, вероятно, Прекрасного незнакомца пришлось поломать голову.

В конце концов, Сигрун выудила из рюкзака купленную в Лхасе неизвестно зачем, ещё не распакованную игру "Свинтус".

"Наверное, - подумала Сигрун, возвращаясь душой на поляну, - я получила послание из будущего, что может пригодиться... Все любят настолки".

Инга Шаманова

Инга до сих пор не могла сказать, что же вдруг сподвигло ее принять участие в этом безобразии с новогодним слоном, но факт оставался фактом. Девочке эта игра всегда казалась глупостью несусветной. Какой толк дарить подарок едва знакомому, а то и вовсе незнакомому человеку? Ты ведь ничего о нем не знаешь. Значит, принесешь что-то наугад. Наверняка очень глупое и бесполезное. И все-таки стало интересно. Да и, если уж совсем честно, оставаться совершенно одной, в стороне от праздника, было не очень приятно.

В конечном итоге Инга, хоть и с заметным опозданием, пришла на поляну. Праздник был в самом разгаре. Девочка огляделась по сторонам, выискивая нужного

человека, и в этот самый момент ее поиски прервали. Этого юношу она, кажется, видела на каком-то из занятий, но имени его не знала. Однако врученный ей платок приняла, даже выдавила из себя улыбку и совершенно искренне поблагодарила.

А вот Стефано, которого Инга и должна была поздравить, в пределах видимости не наблюдалось. Равнодушно пожав плечами, девочка налила себе горячего чая и встала подальше от остальных присутствующих. Все же шумные толпы ее меньше раздражать не стали. Но и уйти, не разобравшись с этим дурацким слоном, она не могла. Оставалось смириться и поспешно постигать дзен в попытках не придушить кого-нибудь особо громкого.

Анастасия Полякова

- Совсем не актуальный, если честно, - призналась Настя, наблюдая за копошением Кимико. - Ну, точнее, у православных Рождество 7 января. В этот день мы с семьей и праздновали. А так, перед Новым годом его справлять, непривычно как-то.

Маркус, видимо, тоже участвовал в Новогоднем слоне, потому что отправился кого-то искать с подарком в руках. Логика, конечно, у Насти была железная, но ведь работала же. Ну, чаще всего. Сама Настя ждать реакции Джуна на подарок не стала: уже краем уха услышала благодарность и порадовалась, что с подарком, если судить по реакции парня, она все-таки не прогадала. Вместо этого тут же побежала к мешку с подарками. Ну и что, что ей уже за восемнадцать перевалило? В душе-то она еще ребенок, жаждущий чуда.

Какое-то время покопавшись в мешке, Настя выудила коробку конфет (шоколадных!) и поспешно закрыла рот ладонью, чтобы визгом не распугать окружающих. И ладно взрослые, но тут ведь где-то и Кимико бродит, с которой они только-только стали налаживать контакт. Одна из конфет тут же была проглочена, и Настя отправилась искать кого-нибудь более-менее знакомого. Не одной же конфеты в Рождество поедать.

Парочка конфет честно досталась девочке, недавно раздававшей печенье.

- Ответная любезность, - улыбнулась Настя и продолжила поиски.

Где-то неподалеку мелькнула знакомая макушка, и девушка радостно кинулась к Яреци, поспешно ее обнимая.

- С Рождеством!

Эйнар Эспеланд

В Новогоднего слона Эйнар вписывается, имея свои тайные, далеко идущие надежды — а в итоге жребий оборачивается так, что теперь норвежцу идти на поляну с заготовленным подарком за пазухой мучительно неловко. Он, конечно, ни у кого не выпрашивал, чтобы жребий выкинул ему поздравлять девушку его соседа, и Стефано и Дарсия наверняка это поймут, но неловкость уже никуда не деть. Эйнар чувствует себя так, словно собирается навязаться влюблённой паре третьим лишним. Наверняка ведь просто обменяться подарками и разойтись не получится. Вежливость потребует сказать хоть что-нибудь, а потом хоть что-нибудь ещё, и это будет тянуться и тянуться, а самое печальное, вряд ли хоть кто-то от этого разговора получит удовольствие.

Эйнар приходит глубоко не к началу праздника и полагает, что Дарсия уже должна быть здесь, если судить по тому, как давно стартанул из их комнаты Стефано. А с другой стороны — если подумать об этом чуть дольше и крепче — очень может быть, что влюблённым никакой всеобщий праздник не нужен, когда они есть друг у друга. Более того, ровно так, похоже, и выходит. Не доверяя своему зрению, Эйнар несколько раз обходит поляну, но так и не встречает ни Стефано, ни Дарсии. И поневоле заключает, что их здесь, похоже, и нет.

И, естественно, они вполне вольны быть где угодно и могут появиться хоть под самый конец праздника. Или так и не появиться вообще, в этом они тоже полностью свободны.

Уйти в молчаливый режим ожидания и начать понемногу покрываться снегом Эйнару не позволяет звонкий голос. Очень знакомый голос — пусть юноша отчётливо слышал его всего раз, всего лишь на одном занятии, но память хранит так цепко, словно ничего ценнее отыскать себе не может. Поворачиваясь, Эйнар предчувствует раньше, чем действительно видит мягкое облако ослепительно рыжих волос. И глаза — всё-таки они голубые, понимает Эйнар, как безупречные горные озёра. Теперь, когда её можно видеть близко, девушка оказывается младше, чем он себе представлял, но юношу, по правде сказать, это сейчас тревожит очень мало.

Почти что не тревожит вовсе.

— Здравствуйте, Эстер, — отвечает Эйнар, машинально источая отвратительную душную вежливость. Он знает, как зовут девушку, потому что после того памятного ему занятия по истории все усилия к этому приложил и почти что существовать спокойно не мог, пока заветное имя не узнал, но и только — лезть глубже в жизнь, в которую его не приглашают, он позволить себе не может. Когда же у Эстер в руках появляется небольшой свёрток, Эйнар запоздало понимает, что рождественский жребий всё же по-своему был к нему благосклонен. И вместо того, чтобы развернуть и освоить принятый от девушки подарок, торопится сказать: — Эстер, не уходите! У меня тоже есть для вас подарок, — в кармане куртки у него — крохотный, глупый сувенир, купленный заблаговременно в надежде на то, что, быть может, всё-таки как-нибудь получится его передать. Эспеланд пользуется первым же шансом, вынимает и протягивает Эстер небольшой кулон: раковину наutilus, всю светлую и перламутровую, на длинной цепочке. И тоже говорит, как может повторяя мягкие интонации девушки: — Счастливого Рождества.

Эстер Хоук

Эсти немедленно вспыхнула до корней своих рыжих волос, осознав, что к ней-то, в отличие от ее панибратского отношения, обращаются со всей вежливостью, да и сейчас, когда она смогла повнимательнее рассмотреть Эйнара, поняла, что он старше, не как Тео, конечно, моложе его, но все равно, старше самой Эстер. А ведь у нее всегда было это правило - к старшим, если они сами не просят иного, обращаться только на "Вы". И как она могла так ошибиться?!

Сейчас ее желание остаться и посмотреть, как Эйнар оценит ее сюрприз, завернутый в подарочную упаковку, куда-то стремительно испарилось, потому что ей неловко, после такой допущенной ею оплошности, но робкие семенящие шаги, которые призваны были унести Эстер куда-нибудь подальше, желательно в самый темный и неосвещенный уголок этой поляны, где она могла бы спокойно умереть от

стыда, прервались просьбой юноши. Эстер замерла на месте, подчиняясь буквально магически подействовавшим на нее словам про ответный подарок.

- Для меня? - довольно неуклюже повторяет Эстер следом за юношей и с ее губ чуть было не срываются виноватые слова отчаяния "Но я ничего не приготовила Вам в ответ!", которые девушка ловит в самый последний момент, потому что вот он, ее подарок, в его руках. А потом она увидела кулон с ракушкой, такой гладкой, крупной, с красивым перламутровым цветом, что это сразу напоминает ей о родном Сент-Айвсе, из которого она уехала совсем недавно, но по которому все равно скучала, особенно по морскому побережью, камни которого были все сплошь усыпаны раковинами. Не такими, конечно, таких она там никогда не видела, но в этой раковине наверняка тоже слышно море, что девушка и торопится проверить, аккуратно беря кулон и прикладывая его к уху, а потом улыбаясь знакомым звукам.

- Шумит, - с довольной улыбкой сообщила она юноше и даже забыла уже о том, что еще несколько секунд назад хотела закопаться в какой-нибудь сугроб так, чтобы не нашли. - Спасибо! Значит, это Вы - мой тайный Санта?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн обернулся к светловолосой девушке, которая подошла его поздравлять. Он с трудом вспомнил её имя - Констанция. Сонгцэн ей вежливо поклонился и улыбнулся. Он взял два свертка с подноса и открыл подарок, чтобы его сразу рассмотреть, как того требовал этикет. Это был дракон в бутылке, очень изящный и интересно сделанный.

- Спасибо, и тебя с Новым годом и Рождеством. Очень красивый дракон, он будет стоять в моей комнате, - сказал Сонгцэн.

В монастыре он жил в доме родителей, и его комната была обставлена довольно аскетично, в отличие от его покоев в клане в Покхаре. Но Сонгцэну больше нравилось именно в Линь Ян Шо, и он считал, что подарок Констанции будет уместен на подоконнике в его комнате в монастыре.

На поляну пришла Яшви, и Сонгцэн с ней поздоровался. Он был рад, что девушка все активнее участвовала в жизни монастыря, потому что этому месту предстояло стать её основным домом.

Весна Петрович

Весна увидела, что к ней направляется Яреци. Знахарка тепло улыбнулась девушке и приняла от неё подарок, который сразу рассмотрела. Это были четки из красивого нефрита. Хороший камень, наполненный энергией Анахаты.

- Спасибо, Яреци, и тебя с Рождеством, - ответила Весна. - Это замечательные четки, и я очень люблю работать с помощью камней. Пусть у тебя и твоей дочери все будет хорошо, удачи вам в будущем году, - знахарка снова улыбнулась.

Сейчас в жизни Яреци был непростой период: у неё был маленький ребенок, а это - большая ответственность и вечное чувство, что тебя загнали в угол. Потом со временем станет легче. Дети вырастают, за них продолжаешь беспокоиться, но можно хотя бы не смотреть, не залезет ли он на плиту. Да и окружающие будут меньше учить жизни и спрашивать об успехах ребенка.

Весна считала, что возможность дать жизнь - это чудо, на которое способна женщина, но общество относилось к этому чуду так, что после рождения ребенка женщина становилась особенно уязвимой. И даже её партнер редко в полной мере понимал, какую ответственность теперь должен нести. И Шэн искренне желала Яречи удачи и сил в этот сложный для неё период жизни.

Эйнар Эспеланд

Эстер, кажется, уже и собирается уйти, но просьба Эйнара каким-то чудом всё же задерживает её рядом, и юноша получает возможность вложить кулон в её тонкую ладонь. Зрячим глазом он напряжённо ловит выражение лица девушки, стараясь понять, угодил ей подарок или нет. И ему вроде бы кажется, что скорее угодил — а потом Эстер бесконечно милым жестом подносит раковину к уху, и с улыбкой нежно сообщает, что слышит, как раковина шумит отголосками моря, и Эйнар улыбается в ответ. Светлый восторг девушки ничуть не похож на наигранную вежливость, и Эспеланд позволяет себе заключить, что кулон действительно пришёлся ей по душе.

— Вам нравится? Я рад, — зачем-то произносит вслух Эйнар очевидное. У него, наверное, и так на лице написано, что плавный изгиб улыбки Эстер его совершенно завораживает. И с оглушительной силой тянет соврать, заявить, *да, я твой тайный Санта, жребий указал нам друг на друга, не кажется ли тебе, что это знак*, но Эйнар сдерживает и свой язык, и рвущуюся с него чушь. Вместо этого он честно признаётся: — Что вы, нет. Я бы очень хотел — но эта честь выпала кому-то другому, — в разговоре Эйнар и самому себе кажется тяжёлым, неповоротливым, душным. Так с девушкой не объясняются. И уж тем более, не забывают про её подарок, который она наверняка сочиняла с большим старанием.

Едва сообразив, что подарок Эстер у него в руках повис праздным грузом, Эйнар спешит исправиться. Он снимает слой обёрточной бумаги, чуть путаясь в её шуршащей глянцевой яркости, и обнаруживает внутри зелёный футляр, а в нём — Эспеланд опознаёт это как набор для рисования тушью, и его ошеломляет точность этого подарка. Контрастная, отточенная резкость чёрной туши на белой бумаге, это сейчас будет именно то, что доктор прописал. Эйнар бережно закрывает футляр и со всей искренностью говорит: — Большое спасибо, Эстер! Это замечательный подарок.

Он сам осознаёт, что он, должно быть, смешон в своих попытках зацепиться за пространство рядом с Эстер — ну куда он лезет, слепое создание, зачем он сдался красивой юной девушке — но искушение поверить, что рождественское чудо продлится ещё немного, слишком сильно, и Эйнар предлагает: — Эстер, вы ещё не посещали мешок с подарками от нашего Санта-Клауса? Если нет, то мы могли бы пройти к нему вместе, — и, ясное дело, для Эйнара в этом предложении важен и заставляет ждать ответа, затаив дыхание, ни разу не подарок из всеобщего рождественского мешка.

Сигрун Хилмарсдоттир

Сигрун внимательно приглядывались к незнакомым людям, которые должны на

ближайшее время стать для нее друзьями, и соучениками. Красивая бабушка с совершенно седыми прядями - должно быть, учитель. Милая рыжуха, а рядом с ней среднего роста молодой человек с ассиметричными бровями. На них (на брови, то есть - это же как глаза разного цвета) Сигрун загляделась.

В конце концов, ей ткнули в Николаса пальцем: да вот же он, тупица, и девушка с целеустремленностью самонаводящейся торпеды направилась к нему.

- Эй, привет, Николас! - произнесла она, приблизившись. - Я Сигрун. Я сегодня твой Санта.

Она запустила руку в карман своей куртки и вытащила небольшую коробку с тремя колоритными свинами за карточным столом, в прозрачной пленке.

- Веселого Йоля! - продолжала она. - Уверена, у тебя есть с кем поиграть. Смотри, всегда выигрывай!

Инга Шаманова

Время текло себе медленно, как патока, а людей меньше не становилось. Ну вот совсем. А Стефано, которому хотелось уже поскорее вручить подарок и свалить к себе в комнату, в тишину и тепло, все не было. Просто издевательство какое-то! Как будто специально. Вот весело Инге будет, если парень так и не придет. И окажется, что зря она несколько часов к ряду морозилась, ага.

Инга перепробовала все имеющиеся угощения, а чай в ее чашке закончился уже в третий раз. Пальцы постепенно теряли чувствительность, становилось все шумнее, но уйти, не отдав подарок, девочка уже не могла. Да она же саму себя уважать перестанет, если так просто сдастся. Пусть даже в такой мелочи. Стоило бы, наверное, подойти и завязать с кем-нибудь разговор, но никого знакомого она поблизости не видела. Не то, чтобы она многих в монастыре знала в принципе. Не тянуло ее с кем-то общаться, и вот итог: стоит одна в сторонке, попивает чай и предельно внимательно разглядывает ближайший стол, словно это самое интересное и удивительное, что только можно увидеть в мире, и этот невероятный феномен непременно нужно изучить. Может, и работу научную написать. Нужно же как-то на жизнь зарабатывать. Так почему бы и не писательством, в самом деле?

Тору Мотидзуки

Увлечшись мыслью о том, что ему нужно дарить подарок Катаре, Тору на какой-то момент упустил, что кто-то будет поздравлять с Рождеством его самого, так что даже успел удивиться, когда к нему подошел Ши Ньяо, с которым он толком никогда и не общался. Но уже первые слова весьма уважаемого им мастера, чей высокий уровень владения китайским мечом Цзянь он мог оценить на одном из праздничных выступлений, помогли сформировать в его голове целостную картину и верно отреагировать на происходящее.

- А для меня честь принимать этот подарок от вас, - Тору глубоко поклонился в ответ. - Поздравляю вас с Рождеством.

В отличие от него самого мастер Ши Ньяо подошел к вопросу подготовки подарка со всей возможной серьезностью. И Тору был ему искренне благодарен за внимание и вложенный труд. Он уже примерно представлял, куда в их доме можно повесить

полученные в подарок плакаты с надписями и не сомневался, что Яреци, которая в основном и занималась созданием домашнего уюта, поддержит его идею.

Матвей Болотов

К праздничной церемонии обмена подарками Матвей подходит со свойственной ему небрежностью. Конечно, количество затраченных усилий вполне могло бы быть иным, распорядись жребий по-другому – но жребий жесток как демон, и Матвею выпадает поздравлять совершенно незнакомую ему девицу, практически только что свежеприбывшую в монастырь, свежее не придумаешь. Тут узнавай не узнавай, один фиг трепыхаться уже некогда. Её даже ни с кем не обсудишь, эту Сигрун, потому что её ровно так же никто в монастыре не знает пока, ценную информацию доить попросту не из кого. Некоторое количество времени Матвей профукивает впустую, пока занимается тем, что озадаченно чешет репу, а потом решает махнуть на все рукой и, не мудрствуя лукаво, довериться интуиции. Там хоть есть на что надеяться.

Интуиция (вот даже не мозг ведь) подсказывает два равномерно тупых варианта: подарить что-нибудь эдакое, из ряда вон, чтобы шокировать девушку наглухо и тем самым слегка сгладить бесполезность подарка, или попытаться закидать количеством. Матвей заканчивает тем, что совершает нечто среднее, и с этим "средним" в итоге идёт сдаваться на поляну.

Отыскать Сигрун оказывается совсем легко. Черт её разберёт, как у неё это получается, но проглядеть её практически невозможно. Матвей подлавливает девушку примерно сразу после того, как она осчастлививляет своим подарком своего клиента. Строго говорит: – Здорово. Счастливого Рождества, расти большой, не будь лапшой, – и протягивает Сигрун два небольших свертка. В одном спрятана курительная трубка из тыквы, в другом – индийский катар, нож со стремно вырезанной рукоятью. И то, и другое, на взгляд Матвея, дюже прикольная хрень, девушка как минимум посмотрит с любопытством. А то, глядишь, и применение найдёт, тогда вообще шикарно будет.

Сигрун Хилмарсдоттир

Отдав подарок, Сигрун ещё раз улыбнулась Нику и пошла дальше. Взяла погрызть какие-то вкусняшки, посмотрела огненное шоу - очень крутое, кстати, круче пои, которым. Сигрун чуть не пошла учиться, когда только-только приехала в Европу. Высокий качок такое проделывал с огнем, что Сигрун только повздыхала.

К Сигрун подошёл лохматый и худой парень. Он был похож на одного нарика, у которого Сигрун оказалась на вписке в Петербурге. Парень поздравил ее с рождеством и вручил подарок, даже два.

- Ракка, - поблагодарила она и с нетерпением принялась распаковывать подарки. - Ого! - Воскликнула она, вытащив на белый свет трубку. - прикольно! Ее и курить можно?

И Сигрун принялась за второй подарок.

В свертке оказался нож. Ну, такой, им можно бить как кулаком. Жуть Мордорская.

- Bölvá...- проговорила Сигрун. - В Brawl Stars есть что-то похожее...

Сигрун посчитала этот подарок знаком поддержки: в игре "чем-то похожим" пользовался персонаж по имени Ворон, а ведь она сама тоже была вороном. В некотором роде.

Стефано Грассини

В свое оправдание Стефано мог сказать разве только то, что они с Дарсией вполне искренне планировали встретиться чуть заранее, вместе прийти на праздник и проверить всю предложенную мастерами программу, от точки до точки, от и до. Первую часть этого плана - встретиться заранее - они даже выполнили на "отлично", а вот все остальное более чем успешно пустили под откос. И до поляны, где проходил пикник, добрались, наверное, только часа три спустя после того, как собственно пикник уже начался. У Дарсии в предвкушении участия в новогоднем слоне горели глаза, Стефано же, с учетом вышедшего максимально острым боком жребия, хотел только как-нибудь побыстрее с этим разделаться и забыть к черту. Что, однако же, не мешало ему одновременно с тем старательно оттягивать момент икс - потому он и позволил Дарсии утянуть себя в бестолковую экскурсию по заснеженным окрестностям монастыря, и никак не напоминал ей, что труба зовет на пикник, пока девушка сама не вспомнила.

- Что хочешь? Сперва слона и подарки дарить или сперва что-нибудь другое? - уточнил Стефано. Его вполне устраивало то, что поворот сюжета на ближайшие десять минут как минимум определит Дарсия - сам бы он решал до бесконечности, потому что у него самого необходимость вручить подарок туго перекручивалась со старательно сдерживаемым желанием сказать адресату что-нибудь резкое, а то и по шее дать, так что сам бы он еще неизвестно до чего дорешался.

Доминика Лакруа

Свой шанс подойти к Джуну девушка в конечном итоге умудрилась упустить самым бездарным образом - пока она стояла и думала, к ней уже подошел Дин, чтобы поздравить с Рождеством. В подарочной упаковке оказался нож, один из тех немногочисленных уже видов оружия, которым Доминика, к стыду своему, не владела настолько никак, что даже не вполне представляла себе, как полагается истинно правильно держать и что с его помощью можно супостату причинить. С другой стороны, это был повод пойти и узнать, вроде как толчок от судьбы в спину и в нужную сторону, если уж совсем глубоко закапываться. Доминика поклонилась в ответ и с чувством сказала: - Большое спасибо! - Конечно, вообще важен не столько подарок, сколько вложенное в него старание, а уж когда подарок еще и попадает в сокровенный интерес, это совсем прекрасно.

Пока Доминика принимала подарок, а потом пыталась выглядеть среди собравшихся Эмиля, который выпал ей в новогоднем слоне, рядом с ней снова возник Джун, как показалось девушке - из ниоткуда. Сначала в никуда ускользнул, потом так же из ниоткуда выскользнул вновь. Ни дать ни взять - Номер Пятый.

- Опоздала. Каюсь, - виновато согласилась Доминика, не вдаваясь в подробности о том, как они с соседкой на пару тормозили, лажали и опаздывали. - Но я же не знала, что ты без меня будешь праздновать так аскетично! Пойдем. Все пойдем, и зефир пробовать, и что еще ты из-за меня не успел, - кивнула Доминика и чуть крепче сжала ладонь Джуна в ответ. - Только постой, мне всего секунду! - эти слова Доминика ухитрилась адресовать двум парням одновременно, свободной рукой отлавливая примерно за хвост как раз проскакивающего мимо Эмиля. Вручив юноше свой подарок, туго забинтованную в новогоднюю обертку связку стрел с красным

оперением - она точно видела его на мастер-классах по стрельбе, а значит, он придумает, куда эти стрелы рассадить, - девушка снова обернулась к Джуну и смущённо пожала плечами: - Прости. Всё, вот теперь я точно ко всему готова, - У нее еще оставалось некоторое количество времени до конца праздника, чтобы исправить свой косяк, и Доминика была готова использовать это время по максимуму.

Эстер Хоук

- Очень нравится! - торопливо заверила Эстер, и, чтобы подтвердить свои слова, тут же надела кулон на шею, расположив ракушку на груди. И только после того, как обозначила, что подарок принимает и, более того, относится к факту этого дарения самым что ни на есть положительным образом, Эстер задумалась о причине, по которой Эйнар вдруг делает ей ответный презент, ведь выяснилось, что совсем не он должен был быть ее тайным Сантой. Какое-то время девушка смотрела на Эйнара, как будто пыталась понять, что теперь нужно говорить, потому что слова у нее вдруг все вылетели из головы. Это что же, получается, Эйнар не ее Санта, но все равно решил сделать ей такой вот удивительный подарок?

- О, - наконец-то сказала она, и сама не зная, что вкладывает в это коротенькое слово, которое, по идее, должно обозначить степень ее растерянности, удивления и внезапно озарения, что все-таки какая-то причина должна быть. Но Эстер тут же отогнала от себя эти мысли, потому что поверить в то, что вряд ли кому-то в голову придет просто взять и подарить подарок именно ей, когда вокруг столько девушек, выбирай - не хочу, и каждая прекрасна на свой лад, да взять хотя бы...хотя бы Ингу или Анастасию, очень сложно. Или Анну-Лизу, роскошную блондинку, которая так мастерски красится, что у нее на лице оказывается настоящее произведение искусства, или кого-нибудь еще, гораздо более выгодно выглядящих на ее фоне. Или ту незнакомку с волосами не менее рыжими, чем у нее самой. Поэтому Эстер продолжала краснеть, опалая пространство, словно факел, и вот-вот начнет сиять даже ярче, чем большое пламя в центре поляны, возле которой желающие жарят зефир, любимое пикниковое лакомство Эсти. Желание сбежать и спрятаться снова становится практически навязчивым, но Эйнар начал разворачивать ее подарок, и Эсти снова осталась на своем месте, наверняка выглядя ужасно глупо. Топчется тут, переступает с ноги на ногу, красная, как рак вареный, и не может сказать ни единого связного слова. Хорошо, что шуршание оберточной бумаги немного заглушает эту повисшую тишину, но ведь должна же она узнать, угадала со своим подарком или нет, и, несмотря на то, что Эсти хочется провалиться сквозь землю, она все же повторно расплывается в улыбке, когда понимает, что угодила. Это ощущение даже сильнее греет ее, чем мысль, что она получила что-то в ответ (если честно, как раз эта мысль немного ее пугает).

- Нет, я там еще не была, - ответила она прежде, чем успела подумать над своими словами. - Я с радостью...с радостью схожу с вами. А вам никому не надо дарить подарок? Вы же чей-то тайный Санта?

Янлин Чун

Янлин отпустила Юншэна, чтобы тот сходил за глинтвейном. Она подумала, что можно бы было пойти к большому костру, где наверняка было еще теплее, но там были мама с папой, а Янлин хотелось еще немного пообниматься с Юншэном, но не хотелось делать это у них на виду. На поляне вдруг пошел снег, который вызнал сифу Лю и потом еще появился довольно странного вида снеговик, который

двигался, словно живой, но Янлин это не оценила, потому что была бесконечно далека от любой магии и воспринимала ее только из рук Юншэна. Ну и еще потому, что своим парнем нужно восхищаться.

- Спасибо, - определенно, Янлин шло на пользу то, что она жила не с родителями, где все делала или мама или домработница, а с Юншэном, потому что она начинала ценить не только свой труд - с этим у нее никогда проблем не было - но еще и чужой. Она даже решила, что от нее не убудет, если она научится включать стиральную машинку и хотя бы сортировать белье на черное и белое. Хотя с посудой и прочей уборкой по дому все было также печально. Как и с приготовлением обедов. Готовить Янлин категорически не умела и не желала учиться, полагая, что у нее и без того полно интересных дел. - С Рождеством!

Глентвейн был сладким, горячим и приятно пряным. Он хорошо согревал и разливался внутри теплом.

- Вкусно, - поделилась своими эмоциями девушка, снова прижимаясь к Юншэну и кладя голову ему на плечо. - Ты хочешь остаться здесь на ночь?

Эйнар Эспеланд

По тому, как Эстер жарко заливается румянцем, Эйнар понимает, что он со своим подарком влез не вполне вовремя и девушку смутил до крайности. Пусть Эйнар и находит, что румянец ей чертовски идёт — нежной краской ложится на скулы и щеки, мягко расцветивая светлую тонкую кожу, — юноша всё же предпочёл бы, чтобы он был вызван чем-нибудь другим. И никак не желанием провалиться сквозь землю, а Эстер, кажется ему, неуютно поджимает плечи так, словно именно это и мечтает сделать.

Но всё же не отказывается вместе с Эйнаром пройти к мешку с рождественскими подарками. И даже произносит слова "с радостью", да так убедительно, что юноша верит: хотя бы что-то похожее на радость она действительно испытывает, а не соглашается из жалости или потому, что теперь чувствует себя должной или обязанной.

— Ваша правда. Я действительно назначен тайным Сантой другому человеку — но пока этого человека не вижу, так что сейчас дарить подарок мне некому, — охотно объясняет Эйнар. Сказать по правде, он сейчас даже и не ищет, пришла ли Дарсия или они со Стефано по-прежнему обретают себя где-то в совершенно ином месте; смотреть по сторонам, когда совсем рядом стоит и пока что соглашается никуда не уходить такая изумительная Эстер — в первый, а может, ещё и в последний раз, как знать — попросту выше его сил. Эйнар сперва хочет было, так же по-душному вежливо, как и разговаривает, предложить ей для их крохотной прогулки согнутую в локте руку, но быстро меняет своё решение и доверительно предлагает девушке раскрытую ладонь: — Что ж, тогда разрешите вас сопровождать?

Валентин Давенпорт

В попытках собрать их семейство тройняшек вместе и воедино Валентин просто сбился с ног - ему хотелось рождественский праздник, пусть и всемонастырский, отметить как-нибудь по-теплому, не теряя при этом и семью. Семья же натурально разбежалась в разные стороны, чисто как тараканы. Дарсия удрала со своим

кавалером, причем удрала и не на праздник даже, а просто в неизвестном направлении. Валентин воспринял это терпеливо - он догадывался, что примерно так оно все и обернется - Эмиль же с крыльца какое-то время еще махал кулаком, и выдавал что-то в духе "если с моей сестрой что-нибудь случится, я тебя убью-расчленю-своими-руками", после чего было никак не собрать самого Эмиля, который возился до бесконечности. В итоге брата пришлось просто брать в охапку и практически нести на поляну для празднования, иначе он бы все вручение подарков пропустил - на которое вообще-то сам вписался по доброй воле.

Валентину на этот праздник выпало дарить подарок некой Констанции - в итоге ценной информацией делилась Дарсия, несколько знакомая с Констанцией, и рассказала, что девушка увлекается музыкой. Едва услышав об этом, Валентин почему-то сразу подумал про укулеле, да так никакой лучшей идеи и не родил. Поэтому, отыскав Констанцию на поляне, Валентин именно что укулеле в трех слоях оберточной бумаги и попытался ей вручить с разбегу, со словами: - Добрый вечер, Констанция! Поздравляю с Рождеством, - но дело несколько осложнялось тем, что у Констанции в руках был не пойми откуда взявшийся и не пойми какую функцию выполняющий поднос. Поэтому Валентин так и завис, протягивая девушке подарок и не имея пока возможности вложить его Констанции в руки.

Эмиль Давенпорт

Как и Валентин, Эмиль планировал, что как они на новогоднего слона записались втроем, так втроем и пойдут на поляну в празднике участвовать. Дарсия все эти планы поломала легким движением руки, отчалив в неизвестном направлении в обнимку со своим бойфрендом. Эмиль в этом месте вспомнил, что он вообще-то суровый старший брат (не такой суровый и старший, как Валентин, но все же), а потому вслед парочке выкатил некоторое количество угроз, общий смысл которых сводился к тому, что если Дарсия не будет возвращена в семью в целости и сохранности, то одному конкретно взятому итальянцу круто не поздоровится.

В итоге Валентин и Эмиль направились на праздник вдвоем, причем с крутым опозданием. На поляне братья разделились и пошли искать каждый своего адресата. У обоих, насколько Эмиль был в курсе, оказались девушки. Как минимум у него самого - точно девушка. По дороге Эмиль попался Доминике, которая выдала ему подарок, причём сделала это так, что было ясно: она максимально торопится и ей максимально не до него. Эмиль все понял, принял, поблагодарил, сунул подарок за пояс, рассчитывая открыть и посмотреть потом, и ушёл искать дальше.

Яшви нашлась очень быстро, уже не одна, а в компании Сонгцэна. Справедливо рассудив, что он к девушке собрался подкатывать не с романтическим интересом, его здесь появление продиктовано исключительно суровой необходимостью, а потому на него не должны обозлиться за то, что он ненадолго вмешается, Эмиль с очаровательной улыбкой подрулил к парочке, кивнул Сонгцэну: - Привет! Извини, я твою даму отвлеку на полминуты, не возражаешь? - и, даже не дождавшись ответа, уже полностью переключился на девушку: - Привет, Яшви! Я твой новогодний слон! А это тебе, с праздником тебя, - и, вручив девушке набор разноцветных лент для волос, Эмиль технично испарился с места преступления. Даже не полминуты, а того меньше, исполнил по красоте.

Эстер Хоук

Эстер правда согласилась с радостью, ее немного лихорадило от мысли, что этот путь она проделает не одна, а даже *за руку* с молодым человеком. Но поначалу она

сомневалась, стоит ли вкладывать свою ладонь в руку Эйнару, потому что ну как же, они до этого даже ни разу не общались, но, может быть, она была слишком старомодна и нужно было пересматривать свои взгляды? И все же протянула свою ладонь Эйнару, цепляясь теплыми пальцами за его. Это же ведь ничего, да? Ничего такого страшного? Пальцы Эйнара на ощупь тоже теплые, приятные и кажутся ласковыми. Эсти кажется, что у всех художников - ведь он художник - должны быть такие руки.

- Да, идемте.

Она вспомнила вдруг совет Тео, что не нужно тратить время на тех, кому до нее нет дела. И была вынуждена признаться самой себе, что Сонгцэну до нее и правда нет никакого дела, да и она уже смирилась с этим чувством, прожила его, как проживают первую робкую влюбленность. Но это вовсе не оттолкнуло ее, не заставило закрыться в себе и думать, что она несчастна, раз юноша не ответил ей взаимностью. Наоборот, Эстер смиренно приняла его слова и согласилась, что так будет разумнее. Сонгцэн был несвободен в своих решениях, и Эстер уважала это. В том не было его вины. Зато сейчас она могла спокойно идти за руку с юношей, которому было не все равно.

- А нам обязательно говорить друг другу "Вы"? - пискнула Эстер, чувствуя себя неуютно от того, что к ней так возвышенно вежливо обращаются, что она сразу начинает ощущать себя маленькой и немного глупой девочкой рядом с взрослым мужчиной.

Инга Шаманова

Праздник, судя по времени, уже должен был подходить к концу. Не то, чтобы по поведению окружающих это было сильно заметно. А по тому, что человека, которому ей следовало вручить этот чертов подарок, все не было - тем более. Инга честно начинала выходить из себя. Терпение в последнее время и так не было одной из ее добродетелей, но подобное переходило все границы. Уж если изволил участвовать в Новогоднем слоне, так будь любезен - приди и получи подарок. И не вынуждай человека несколько часов кряду морозится на холоде, отмечая чуждый ему праздник.

Инга допила которую уже по счету чашку чая и дала себе зарок, что, если Стефано в ближайшие полчаса здесь не появится, она просто уйдет и плевать на эту чертову игру. Правда, потраченное время и усилия было жаль. Ладно, будем честны, только время. Над подарком Инга долго не раздумывала: отыскала где-то набор для дартса и решила, что и так сойдет. Парня этого она не знала от слова совсем, а бегать кого-то расспрашивать не было никакого желания. В общем-то и расспрашивать было некого. Не так уж много людей она знала. Еще с меньшим количеством находилась в более-менее дружеских отношениях: считай, что ни с кем не находилась.

Когда полчаса и еще минут десять прошли, Инга решила, что с нее довольно, и развернулась, чтобы уйти. В этот самый миг парень соизволил-таки мелькнуть где-то поблизости, и девочка планомерно направилась в его сторону. Не обращая внимания на окружающих и на то, что Стефано, может, с кем-то общается, Инга протянула ему подарок, буркнула устало:

- С праздником.

И направилась в сторону монастыря: оставаться тут на ночь она уж точно не собиралась.

Катара

Не стоило забывать и того, что сегодня она так же участвовала в одном интересном занятии - "Новогоднем слоне", суть которого заключалась в том, чтобы втайне от адресата узнать, что ему нравится и подарить именно сегодня. Она получила имя сифу Няю, к которому у Катары были своего рода претензии в прошлом. В основном, конечно, из-за всё той же пресловутой Яшими Файр. Когда был мастер-класс по тессенам и Яшими единолично оккупировала библиотеку, заставив Катару как-то изгаляться, искать другие входы-выходы и вообще, жуть да и только! Она так сильно тогда переживала и так завидовала тому, что мастер её одарил особой похвалой. Как будто она ему что-то новое открыла, всего-то пересказала парочку библиотечных вырезок. Но да не суть. Суть в том, что... Где теперь эта ваша Яшими, а? Где? Не было её в Монастыре уже очень давно, откинулась, наверное, то есть, пропала из Монастыря без вести. Свалила на свою родину, да.

Так... Что же подарить старому мастеру? Катаре была не понаслышке известно о возможностях учителя, и она долго думала над тем, как его удивить и не обидеть. В голову ей пришла одна безумная мысль, оставалось только убедиться в том, что она найдёт этот предмет на рынке. Ей повезло, у одного торговца странностями он был.

- Здравствуйте, сифу Няю, - Катаре уже подарил Тору какую-то книжку на японском, с переводом которой, возможно, ей придётся обращаться к нему же, - с Праздником вас! Держите! - вручила она кулёк с китайской поэзией в стихах. Она хотела подарить кое-что другое, что заставило бы мастера искать дзен там, где его не было, но боялась ошибиться. Поэтому, этот вариант ей приглянулся больше.

Эйнар Эспеланд

Эйнар опасается было, что он поторопился и что у них с Эстер, по сути, нет никаких причин для столь поспешного сближения, чтобы сразу братья за руки — думает об этом какие-то жалкие доли секунд, но опасениям много времени и не нужно, чтобы они успели проскочить сквозь сердце тревожным разрядом электричества. Конечно, у девушки есть полное право отказаться, и она вольна свободно распоряжаться этим правом — а пока Эйнар думает обо всём этом, тонкие пальцы Эстер уже успевают скользнуть к нему в ладонь.

Боже, какие же тонкие.

Эйнар с лёгким трепетом ощущает в руке её изящную ладонь, бережно сжимает чуть крепче. За сегодняшний вечер, только за эти последние полчаса образ Эстер у него в сознании становится более живым и объемным, чем прежде; конечно же, он был неполным без её ярких голубых глаз, без обворожительной светлой улыбки, без её трогательной манеры робко и одновременно цепко держаться за его руку нежными пальцами, без множества иных деталей, которые превращали её из прекрасной тени в изумительную и неповторимую девушку.

— "Вы"? Нет, вовсе не обязательно, — мотает головой Эйнар и ведёт Эстер в сторону сифу Урса и его яркого рождественского мешка. Ему, пожалуй, сразу надо было подхватить выбранный было девушкой более приятельский стиль общения, тогда, возможно, и неловкости в их разговоре было бы несколько меньше. — Мы

можем и перейти на "ты", если вы хотите. Если ты хочешь, — поправляется Эйнар, показывая, что по желанию девушки готов общаться менее формально в любой момент. Рядом мелькает Дарсия, и Эйнар, пользуясь случаем, останавливает её, чтобы отдать девушке подарок, длинные белые перчатки. Дарсия, безусловно, ему друг, но сейчас он отрывает это внимание от Эстер, и ему каждой потраченной секунды жаль, и Эспеланд немедленно извиняется перед девушкой за то, что отвлёкся от неё. Из рождественского же мешка юноша достаёт что-то, завернутое в блестящую обёрточную бумагу, зелёную и красную, небольшой свёрток, который тут же протягивает Эстер.

Курук

Курук попал на праздник случайно. Созерцая всё вокруг себя и самого себя, замечаешь, что мир вокруг тебя прекраснее, чем вчера. Каждый день - новый день и он не похож на все остальные, он уникален. Можно привести в пример банальные банальности - в столовую придут другие люди, не тот состав, что вчера, трапезничать. В другом порядке. Мастера будут вести другие занятия, другие мастер-классы. В Храм придут другие новички, если вообще придут. Другая погода, другая влажность и другое давление. Всё было не тем, что вчера. И он это всё подмечал. Потому что он пребывал в роли созерцателя. Он не знал наверняка, зачем ему эта роль, он просто её проживал.

И сегодня, в такой замечательный и непохожий на другие дни вечер, он пришёл на поляну для празднования католического рождества. Он не был католиком и праздники для него не значили ровным счётом ничего - он уже забыл, когда в последний раз праздновал свой день рождения. Потому что его всё равно никто не поздравлял - и этот день стал в его прошлом таким как все. Ничего особенного, никаких празднований, гулянок и подарков. Просто день, когда тебе можно официально называть себя на один год ближе к смерти. И всё. К празднику он пришёл чисто интуитивно, потому что тут ещё и собралась целая куча народа и у него даже было специальное задание - подарить некой Аделине Рутцен подарок. Он знать не знал, кто она такая, поэтому просто купил ей шоколадку, завернул её в подарочную бумагу - точнее, попросил, чтобы это сделали на рынке, чтобы лишний раз не перетруждаться. Нашёл её в толпе спустя несколько вопросов у мимо проходящих. И просто молча вручил ей, улыбаясь и тихо растворяясь в толпе. Чтобы она даже не запомнила его лица.

Буквально через пару минут его нашла Юэ - та самая, которая владела его сердцем на протяжении многих лет в прошлом. "Японка" подарила ему какой-то странный дар - чашу с рыбками, которую он исследует, когда будет один. Наверное, от неё не стоило ожидать ерунды.

Ломэхонгва

Ломэхонгва и так-то не очень представляет себе, что можно подарить людям на праздник, но всё же записывается на общую подарочную цепочку, надеясь, что всё как-нибудь само собой сложится. Когда же выясняется, что ей выпало дарить подарок Валентину, Ломэхонгва и вовсе начинает неистово переживать, до дрожи в кончиках пальцев. Понравиться Валентину ей очень хочется, понравиться и не оплошать, но прихвастнуть девушке толком и нечем. К празднику она плетёт очередного ловца снов, и сама обречённо чувствует, что это всё не то, но иных идей

у неё попросту нет.

Ломэхонгва приходит на праздник почти к самому его началу и, пока ждёт появления Валентина, успевает уже получить подарок. Тётушка Весна дарит книгу, чем вгоняет индеанку в неистовое смущение — читает Ломэхонгва по-прежнему редко, мало и плохо. Но это ничуть не мешает ей глубоко поклониться знахарке в знак благодарности и поклясться самой себе, что непременно осилит, осилит и прочтёт эту книгу. Не просто же так она подарена именно сегодня и именно ей.

Когда Валентин наконец приходит, Ломэхонгва, робея со своим нелепым подарком, подходит к нему не сразу. И за это время Валентин успевает уже сам оказаться со своим подарком возле светловолосой девушки. Она красива, изящна, она вся лучится привлекательностью, и Ломэхонгва ревниво вмешивается, хоть это и невежливо. Индеанка касается плеча Валентина и настойчиво протягивает ему своего смешного ловца, и тоже застывает с протянутой рукой, создавая неловкий треугольник.

Сигрун Хилмарсдоттир

Бегая по поляне в хлопотах о фейервеках. Сигрун вдруг увидела, что с поляны уже начинают уходить люди. В сторону монастыря удалялась среднего роста черноволосая девушка. Ну вот как так можно? Посреди праздника уходить могут только парочки и родители с детьми. Эта неприветливая особа должна веселиться, таскать подарки у Санты из мешка, пить чай с кексом и вообще, радоваться жизни. Сегодня самая длинная ночь в году, сдохни, но радуйся жизни!

- Эй ты! - заорала ей Сигрун и побежала за ней вслед. Ну, как побежала. Очень быстро пошла. - Ты куда? А фейерверки? Я что ли, зря старалась? Рассказывай потом вам, что да как тут было!

Дарсия Давенпорт

Вместе с братьями записываясь участвовать в новогоднем слоне, Дарси изначально искренне предполагала, что они так втроем и двинутся на праздник, почему-то совершенно не подумав в тот момент про Стефано. А он ведь был, его никак нельзя было сбрасывать со счетов. Дарсия сама не поняла, как ухитрилась забыть о своем молодом человеке, ей за это было чертовски стыдно, и в итоге она все переиграла, перекрутила, кинула братьев и на праздник ушла вместе со Стефано. Причем пошли они такими длинными кругами и так увлеклись друг другом, что прибыли даже позже Валентина и Эмиля, хотя выходили вроде бы намного раньше.

- Сначала - подарки, - заявила Дарси. И с недоумением проводила взглядом девушку, которая подошла к Стефано, что-то сунула ему в руки и ушла. Сначала не поняла, а потом как застыдилась - точно, слон же. Возможно, и тот, кто должен ей что-то дарить, уже невесть сколько времени мыкается по поляне, а она все кругами бродит. - Вот, видишь? Это знак. Давай сейчас быстро все дарим, а потом снова встречаемся... да хоть бы и на этом же самом месте? Годится? - воодушевленно спросила Дарсия. И стартанула с места искать Дина.

Подарок Дарси не иначе как чудом успела четко к Рождеству заказать у дедушки и до поляны столько времени таскала исключительно потому, что вместо нее талмуд носил безотказный Стефано. Оказавшись рядом с Дином, Дарсия торжественно вручила ему упакованных в плотную бумагу "Хранителей" - дедушка обещал, что

понимающие люди от такого издания графического романа натурально с ума сойдут. Дарси не была уверена, что Дин в число понимающих входит, но все равно подарок сочла эффектным. И торжественно пожелала: - Счастливого Рождества! Держи, это тебе. Надеюсь, тебе понравится, - и, отработав миссию, Дарсия вернулась к Стефано, узнавать, как у него что прошло. Потому что у него вроде что-то складывалось не самым приятным образом, насколько девушка вообще в курсе была. На обратном пути ей встретился Эйнар, который с коротким поздравлением подарил ей шикарные перчатки - но перчатки тут же ушли глубоко на второй план, потому что с Эйнаром за руку неожиданно шла Эстер. Дарсия чуть не сгорела от любопытства на месте. Но героически проглотила зароившиеся на языке вопросы, сделала вид, что она всю жизнь примерно то и ожидала увидеть, приветливо поздоровалась с Эстер и оставила молодых людей вдвоём, чтобы все-таки вернуться к Стефано и тоже быть с ним вдвоём, жаль только, что все-таки не наедине.

Николас Уайт

Поучаствовать в каких-нибудь заварушках - это вы по адресу. Ник позвал с собой и Яна на поляну, но тот последнее время был каким-то неразговорчивым и вообще что-то от Ника скрывал, похоже. Ну, Ник не лез не в своё дело. Он не любил допрашивать человека о его трудностях, если тот сам не открывал всех карт. Ну, да, Ник хотел бы помочь, но в личное не надо было лезть.

Ян обещал клятвенно прийти на праздник, но позже. Ник не стал его ждать и пошёл без него. Не так весело, как с другом и по совместительству с соседом. Но да ладно. Ник пришёл на своеобразную вечеринку на поляну. Он удивился красотой и величиим иглу, а ледяные скульптуры тут так же смотрелись очень в тему. Ребята подготовились на славу - возвышающиеся три наряжённые ёлки заставили парня поломать свою голову над тем, как её украшали.

Он хотел было с кем-нибудь познакомиться, но пока все были разбиты на группки по два-три человека или стояли совсем "на обочине", не при делах. А пока он искал, с кем подружиться, к нему подошла девушка в очках и подарила настольную игру "Свинтус". Ник был любителем настольных игр, поэтому от души поблагодарил её. Вот только он не знал, с кем будет играть в неё, первым в очереди был Ян, конечно, а вот дальше... Кстати, точно, подарок! Он чуть не забыл - он должен был тоже подарить кое-что кое-кому - он стал искать глазами парня всего в чёрном, который оказался очень кстати неподалёку от него рядом с девушкой. Ник подошёл к Матвею.

- Поздравляю с Рождеством. Вручаю! - протянул хрустальный шар. Со слов женщины на рынке, он обладал волшебными свойствами и позволял видеть будущее. Нику сказали, что Матвей как раз прославился своими способностями видеть разные странности, поэтому Ник, поверив бабуле, купил этот шар. Он не знал, насколько тот был магическим, но верил, что тот действительно поможет парню в чёрном.

Стефано Грассини

Увлечшись прогулками в компании Дарсии, Стефано, действительно, непростительным образом забыл, что при новогоднем слоне стрелки рисуются в обе

стороны; а значит, он должен не только дарить, но и получать подарок. Получил итальянец практически сразу же, от появившейся рядом хмурой девушки, которая выглядела так, словно по его милости часа три провела на морозе, невыносимо скучая. А может быть, ровно так оно и было.

- Прости, - только и успел сказать Стефано вслед удаляющейся девушке. И согласился с Дарсией: - Ты права, знака яснее не бывает. Тогда быстро разбираемся с подарками, и дальше уже будем свободны, - чтобы больше никто никого не ждал, если есть еще такие люди, которых только новогодний слон на поляне и удерживает.

Выбрать персональный подарок так, чтобы не вложить в него никакой личной обиды, для Стефано оказалось невозможным. Тут можно было или подарить что-то нейтральное, просто отделившись от обязанности, или все же позволить себе выразить затаенный негатив. Итальянец искренне пытался пойти по первому пути, но в итоге у него и нейтральный подарок оказался со следами злости. Заготовленная в качестве подарка пиньята у Стефано формой довольно отчетливо напоминала гиену - которую Маркусу пришлось бы своими руками поломать, чтобы добраться до содержимого. Отыскав Маркуса на поляне, Стефано вручил - почти всучил - ему пиньяту, лаконично кивнул: - С Рождеством, - и сразу же отошел, чтобы у них ни в коем случае не возникло возможности сцепиться языками. Иначе разговор может выйти отнюдь не рождественский.

Артём Федоренко

Отмечать праздник "Новогоднего слона" Артём как и остальные пришёл на поляну. Ему было интересно, придёт ли туда Эрика, потому что в последнее время он не пересекался с ней и вообще не был уверен, была ли она в Храме и не покинула ли его по каким делам. Рут, кстати, покинула его пределы, поэтому Артёму совсем не с кем было прогуляться по его территории и он уже давно делал это в гордом одиночестве. И на этот праздник он тоже пришёл один. Он, конечно, мог бы себе найти другую, но был верен своей лягушонке и просто знал, что она вернётся в Храм, когда придёт время. Так что жди, Тёма, жди. И будешь вознаграждён.

Он пропустил самое начало, но пришёл где-то ближе к середине праздника. Тут было много народу и целый Санта-Клаус в роли Урса. Можно было взять подарок из его мешка, но получилось так, что мастер прошёл мимо Артёма и тот остался без подарка. Не сильно-то и расстроился.

Кстати, о подарках. К нему подошёл мастер Адлер и вручил ежедневник. Артём был человеком, который планировал свой день, но делал он это в голове. Потому что на память не жаловался, это раз. Два - так было удобнее, потому что все бумажки и органайзеры со временем приходили в негодность, могли потеряться и так далее. Ты доверяешь свою судьбу бумажке, судьба которой зависит от посторонних факторов. Её банально могло ветром сдуть куда-нибудь прямо из комнаты. Да многое могло произойти с ней. Но ему подарили ежедневник - и он обязан был принять этот подарок. Что он с успехом и сделал, поблагодарив мастера. Может быть, когда-нибудь он перейдёт на ежедневники.

А с его стороны - подарок некому Финеасу. Которого Артём знать не знал до этого и ему пришлось воспользоваться помощью других обитателей Храма, чтобы узнать, что нравилось парню. Из всей полученной информации сложилось очень смутное

представление, но ясным там было одно - парень превращался в змею. И за это Артём решил зацепиться. Он купил плакат, нашёл в библиотеке, как выглядит именно эта змея, и, как мог, срисовал её. Рисовал он неплохо, не ужасно, но вполне сносно. Поэтому, парню должно понравиться.

- Поздравляю, это - тебе!

Ян Рей

Для Яна ритуал новогоднего слона был чисто развлечением, приятным и легким. Он, конечно, попотел, сочиняя подарок для незнакомой ему девушки, но в целом не вкладывал в подарки такого уж неизбежного смысла, был готов не обижаться, если вдруг ему подарят не то, о чем он мечтал с тех самых пор, как вообще мечтать научился, и от остальных с надеждой ждал такого же понимания и снисхождения.

На поляне, пока Ян тупил, долго думал и разбирался, где вверенная ему для поздравления Анастасия, к нему успела подойти эффектная черноволосая девушка и без лишних слов вручить подарок - небольшой мешочек, который Ян тут же распотрошил, обнаружил внутри четки и немедленно нацепил на руку, громко восхитившись: - Класс! А самодельные? Ну, экстра-класс! Спасибо! - Не то чтобы девушка так уж интересовалась его мнением, но ему же правда понравилось и класс.

Получив свой подарок, Ян дальше поскакал живчиком отыскивать Анастасию, чтобы никто сегодня без подарка не ушел. И, отыскав, вручил ей свою заготовку со словами: - Поздравляю с Рождеством! Это, эмм... ну, давай считать, что это я заготовил тебе кусочек лета и желаю тебе, чтобы лето всегда было с тобой? - В праздничном пакете, который Ян протянул Анастасии, лежала небольшая самодельная картинка в самодельной же рамке, картинка из высушенных цветов, которые Ян вероломно надергал в оранжерее, пока мастера за руки не ловили.

Эх, на что только не пойдешь ради праздника. Аж на целое преступление.

Маркус Агирре

Маркус проводил взглядом Яреци и Тору и вздохнул. Теперь можно было кому-то помочь, что-то сделать, и его попросила Сигрун дотащить патроны фейерверков куда-то, чтобы было красиво и никого не убило. Это нехитрое действие помогло ему забыть о Кимико, с которой провёл весь вечер, о подарке, который кто-то ему должен был подарить, о чём-то другом. И насладиться всеобщей атмосферой праздника, если это вообще возможно.

Ему хотелось, чтобы это было возможно, но его желания не сбылись. Потому что в поле его зрения нарисовались Дарсия и Стефано. Маркус вздрогнул, когда парень к нему подошёл, и слегка рассеянно принял подарок. Он долго смотрел на пиньюту в виде гиены, понимая, что даже здесь его ненавидят. Он чудовище. Он никогда не был человеком, он всегда был монстром, и эта сущность теперь видна всем. Хотелось убить кого-то, да или просто уйти куда-то.

Он глубоко вздохнул, посмотрел вслед удаляющимся Дарсии и Стефано, а потом тоже покинул поляну. Хотелось побыть в тишине и спокойствии. Хотелось напиться и забыться. Взяв подарок подмышку, он тихо покинул поляну.

Яшви Садхир

Яшви кивнула - самодельные - и, получив в ответ лучезарную улыбку, проследила взглядом за удаляющейся от нее спиной юноши, которому четки пришлись по нраву. Это был странный праздник со странными традициями, но Яшви он понравился. Особенно после того, как на нее обрушился настоящий светловолосый ураган в виде малознакомого ей парня, который, мало того, что назвал ее по имени, так еще и вручил настоящий подарок, а потом испарился, словно его и не было вовсе. А Яшви так и осталась стоять с подарком в руках и готовым сорваться с губ предупреждением, что она вовсе не дама Садхира-джи.

Она посмотрела на ленты в руках, и все они были разных ярких цветов, и там были и красные тоже, и Яшви подумала, что традиция вот так дарить подарки очень даже интересная. Она поначалу сомневалась, что стоит это делать, потому что мало с кем была знакома в монастыре, но все же не жалела о своем решении поучаствовать. Хотя, возможно, и испытала некоторое сожаление по поводу того, что ей выпало дарить не Садхиру-джи. Но, с другой стороны, что дарить человеку, который принц, и у которого все и без твоих подарков уже есть?

- С Рождеством? - повернувшись к принцу, который, она не заметила когда, оказался рядом, проговорила Яшви.

Анастасия Полякова

За оставшееся до конца праздника время Настя успела едва ли не каждому сказать пару слов (во всяком случае, она постаралась это сделать) и перепробовать немало угощений. Посмотреть на выступления некоторых мастеров и погрузиться, что, кажется, конкретно ее тайный Санта затерялся где-то на просторах Вселенной. Но, видимо, оставлять ее без подарка все же не захотели.

Подошедшего к ней парня Настя совсем не знала. Кажется, даже ни разу и не видела. Но подарок приняла и тут же распаковала. Девушка от удивления ахнула, мимолётно подумав, где же незнакомец отыскивал цветы среди зимы. А затем вспомнила про монастырскую оранжерею и тихо рассмеялась.

- Спасибо. Мне очень приятно, - улыбнулась девушка, осторожно упаковывая подарок, чтобы ненароком его не повредить. - Прости, не знаю твоего имени. Но я очень тебе благодарна. Это чудесный подарок.

Аделина Рутцен

Записываясь на новогоднего слона, Аделина нервничает, волнуется, снова нервничает и опять волнуется. С одной стороны, поучаствовать очень хочется. С другой стороны, понимать людей и что уместно или неуместно будет им подарить — это далеко не лучшая способность Аделины. Даже напротив, одна из худших. Одна их лучших с обратного конца. А потом вскрывается, что поздравлять надо сифу Шэ, и Рутцен вообще пытается отъехать в тихий обморок. Что, ну что можно подарить тигрице, чтобы не опозориться при этом намертво?

На поляну Аделина приходит, тихонечко умирая от страха и неловкости. А потом мимо пробегают Курук, впихивает ей шоколадку, чтобы тут же снова раствориться в толпе, и немка уже с гораздо большей уверенностью расправляет плечи. Ну, раз

некоторые считают, что шоколадка – это нормально, отличный подарок, то ей в своих стараниях вообще сомневаться грешно.

– *Здравствуйте*, – неожиданно звонко говорит Аделина, когда подходит к Юэ. И, обеими руками протягивая сифу Шэ подарок, все так же почему-то возмутительно звонко частит: – *С-праздником-и-Рождеством! И-с-новогодним-слоном! Это-вам! Поздравляю!* – В праздничном свертке – темно-красная помада и бронзового цвета тени, и Аделина в этом подарке очень сомневается, но все же верит: тигрица не обидится на то, что ей подарили презент как женщине, а не как воину.

Финехас Зейдан

Когда Финн пытается уболтать Райан на рождественского слона (да вообще хотя бы на рождественский праздник), Райан неожиданно упирается всеми четырьмя. Руками и ногами. Как будто ее там расчленять собираются, что ли. Финехас пробует все доступные ему методы убеждения, потому что идти одному, без девушки, это же будет только треть от возможного кайфа, но в итоге все равно идет один. Райан что, у нее на этом празднике никаких обязательств, а вот Финн успел вляпаться в рождественского слона, теперь надо держать лицо и честь.

С одной стороны, подсовывать ученикам для рождественского слона мастеров – это своего рода извращение. С другой же стороны, чуть лениво думает Финехас, ну а куда мастеров девать, что они, не люди, что им, нельзя, что ли. Другое дело, что Финехас вообще себе не представляет, а что мастерам дарить. Конкретно сифу Адлеру – ну, что с ним делать-то?

Как-то жить теперь с этим, очевидно.

Самого Финехаса его тайный Санта отоваривает самодельным рисунком с изображением змеи. Пару секунд медленно соображающий Финн смотрит в недоумении, потом догадывается: – А, это как бы рожа моя небритая? Понял. Уважаю. Спасибо, – и отчаливает дальше, искать сифу Адлера. Которому Финн под немудрящее заявление "с Рождеством!" вручает столь же немудрящий подарок: пачку специй для глинтвейна. Мозг у египтянина крайне несвоевременно отказался в самостоятельное творчество и выход нашел в заготовках для общего праздника. По-своему позорный выход, но чего уж теперь, не с пустыми руками же являться.

Дженнифер Джинджер Дэй

Отмечать Рождество, придя на поляну, Дженнифер начала не как все нормальные люди, с раздачи подарков, а с круто заваренного глинтвейна. Начала так круто, что какое-то время ей еще пришлось потом просто посидеть у костерка и подождать, пока ее маленько пообдует и слегка сойдет хмель. А то в таком виде навручает она, конечно. Пьянство довело до того, что Дженнифер, сидя у костра, тихонько ругалась вслух на обитателей своей головы, которые это пьянство всячески поддерживали и поощряли. Хорошо, что они хоть отвечали ей не вслух, а то подрастужала бы народ. Примерно в таком не вполне вменяемом состоянии Дженнифер и принимала подарок от Джуна. Журавлик, впрочем, был принят на "ура" и умилил всю ее черепушку чуть более чем полностью.

Когда Дженнифер решила, что она уже вернулась в нужную кондицию и может перейти к вручению подарков, она, невзирая на вопли критика *сядь, пьяная женщина, куда ты пошла, ты же опозоришь всю нашу индийскую семью*, отправилась искать Яреци. И, кое-как обретя девушку уже практически под занавес праздника, Дженнифер торжественно вручила ей пачку антистрессовых раскрасок.

Ну а что, всяко кому-нибудь пригодятся. Не ребенку, так родителям, не родителям, так ребенку. Все одно простаивать не будут, практичность подарка просто словами не описать, нет в языке таких слов.

Эва Кейтлин Старк

Эва вообще хотела вести себя прилично, прийти на праздник вовремя, все угощения попробовать, все подарки поперетрогать, всех поздравить, все поздравления получить и все такое прочее. Да поди ж теперь докажи, что ты не верблюд и не гималайский, когда ты ворвалась в самый разгар праздника, с некоторым количеством воплей, со своей соседкой вместе, а в комнате у тебя торчит недоукрашенная елка, да еще выглядишь ты слегка как дура. Это ж никаких шансов нет доказать окружающим свою адекватность, и Эва, в общем, с этим смирилась.

На врученный ей подарок валлийка отреагировала с честным энтузиазмом, в три слоя обложив Маркуса радостными "спасибо". Она, правда, пока не знала, кого ей напихать в этот горшок, но кого-нибудь уж всяко напихает, не даст хорошей вещи пропасть. Попытавшись же осчастливить подарком Эстер, валлийка накнулась на некоторое препятствие в виде увивающегося рядом молодого человека. Какое-то время Эва честно ждала, что парень рассосется сам, а он все никак не рассасывался и не рассасывался, и Старк, устав ждать, ломанулась напролом.

- Дико извините! Вы очень милая парочка, мне чертовски неловко вмешиваться, но я буквально на минуту, уж потерпите меня чуть-чуть, пожалуйста, - заявила Эва. И протянула Эстер свой в меру идиотский подарок: бело-зеленый волейбольный мяч, а на нем ярко-красный валлийский дракон во всем великолепии. - Тайный Санта, пардон, новогодний поздравляет с праздником и передает подарок. Все, меня больше нет, - заявила Эва и двинулась искать себе компанию на остаток вечера. А то что ж такое, все по парочкам пораскололись, так ей тоже тогда надо.

Матвей Болотов

— Мне вообще парили, что можно, но пока не курнешь — не узнаешь, — авторитетно заявляет Матвей. Реакция Сигрун на подарки ему очень доставляет: отличная, здоровая реакция человека, с которым можно распрекрасно найти общий язык. Жаль только, Матвей ни слова ни понимает из того, что девушка ему говорит на каком-то теоретически северном наречии. Но дерзко предполагает, что это нечто вроде "спасибо", и уверенно отвечает на русском: — Да на здоровычко. Пользуйся с удовольствием.

На короткое время от попыток завязать с Сигрун какой-никакой диалог его отвлекает нарисовавшаяся под боком очередная жертва новогоднего слона. Матвей вскрывает подарок, обнаруживает внутри стеклянный шар, одобряет: — Ча, палантир? Шикарная штука, класс. Осталось бороду отрастить, и буду косплеить Сарумана. Спасибо, — и этого короткого времени Сигрун хватает, чтобы уже куда-то умчаться. Глядя девушке вслед, Матвей быстро понимает, что она догоняет другую девушку, явно вознамерившуюся слиться с праздником. И находит это зрелище шизой сюрреалистичной, и на свой лад добавляет шизы и сюрреализма. Матвей свистит в два пальца и орет девушкам вслед: — Ату ее! Загоняй на флажки, не пущай! — и менее торопливым шагом, чем Сигрун, но тоже движется вслед, посмотреть, чем эта эпицкая погоня закончится.

Дарсия Давенпорт

Возвращаясь к Стефано, Дарси была полна энтузиазма - как же, она только что увидела, что Эстер и Эйнар, похоже, нежно подружились, и считала вполне допустимым донести эту новость до Стефано. Стоит ли запускать сплетню дальше, это был уже большой вопрос, пожалуй, что скорее всего не стоит, но вот юноше уж точно можно было довериться, тем более, что он же с Эйнаром в одной комнате живёт.

Дарсия об этом думала, а потом увидела Стефано и его изменившееся, будто бы ожесточившееся лицо, и разом про все новости и сплетни забыла, потому что тут уже совершенно не до них сейчас. Потому что тут же опять что-то случилось и опять наверняка всеобщими усилиями придётся это чинить.

- Что? - потребовала Дарси, подлетая к Стефано с разбегу и обвивая шею юноши руками. Она только понимала, что что-то переломило ему настроение, но толком не понимала, что именно - пока случайно не зачерпнула взглядом чью-то поспешно драпающую с поляны. Вроде бы безо всяких на то оснований, но тем не менее, Дарси тут же преисполнилась уверенности, что это непременно связано со Стефано, а все вместе имеет самое что ни на есть прямое отношение к новогоднему слону. И настойчивее прежнего потребовала: - Что произошло? Кому ты там подарок дарил? Кого с праздника катапультировал? Что у вас там произошло?

Инга Шаманова

С каждым новым днём, проведенным в монастыре, Инга все больше убеждалась, что у некоторой части его населения определенно не все в порядке с головой. Было ли тому виной наличие у них некоторых не совсем обычных способностей или же они сами по себе давно и основательно слетели с катушек, но их поступки не вызывали у девочки ничего, кроме некоторой доли удивления и, что бывало в последнее время гораздо чаще, раздражение. Примерно такую гамму эмоций, перемешанную с некоторой долей неверия, Инга ощутила в тот самый момент, когда какая-то незнакомая девица стала предъявлять ей претензии по поводу ее ухода.

Проявляя воистину ангельское терпение, Инга сказала:

- Во-первых, добрый вечер, - явно намекая на недостаток манер у собеседницы. - Во-вторых, так уж и быть, можешь не рассказывать. Переживу.

И как ни в чем не бывало продолжила путь. На подбежавшего парня, не так давно кричавшего "Ату!", Инга и вовсе не обратила внимания. На психов ведь не обижаются, правда?

Сигрун Хилмарсдоттир

Услыхав слова девицы, Сигрун только глаза раскрыла.

- Ну, здорОво, принцесса, - проговорила она. - Любишь нудить и скучать? Твое право. У всех свои понятия о празднике, а у нас тут свобода самовыражения.

Она пожала плечами, глядя в удаляющуюся спину принцессы, и крикнула ей напоследок:

- Если мне понадобится кому-нибудь настроение испортить, я его к тебе пошлю, окей?

Она повернулась к тому парню, что подарил ей такой сумасшедший подарок, а

теперь стоял неподалёку и с умеренным интересом наблюдал за происходящим.

- Кто это такая? Что за императрица индийская? - спросила она, подходя. Сунув руку в карман, она нащупала там нож и усмехнулась. - Хорошо, что я твой подарок успела спрятать, а то нехорошо бы вышло...

Эстер Хоук

Эстер даже казалось, что у нее кружится голова от нереальности происходящего, но она старалась не цепляться со всей силы за руку Эйнара, как утопающий цепляется за первую подвернувшуюся ему кажущейся надежной опору. Нет, она пыталась держать свою ладонь в руке Эйнара с достоинством, едва касаясь, но в то же время твердо, и думала, что она думает (да, такая вот тавтология) о какой-то ерунде вместо того, чтобы просто идти и наслаждаться тем, что хоть кто-то есть до нее дело. В голову, правда, предательски закрались мысли, что все это может быть чудом только на один день, ведь уже завтра Рождество закончится, снова потекут однообразные дни, а у нее всего и останется, что воспоминаний об это прикосновении теплых пальцев.

- На "ты" будет лучше, мне кажется, - немедленно ответила Эсти, радуясь, что ощущение собственной юной глупости отходит на второй план. Она могла бы и дальше говорить Эйнару вежливо-возвышенное "Вы", но с на "ты" чувствует себя капельку увереннее и даже самую малость смелее и свободнее, чем всегда. - А ты как думаешь? Тебе как удобно?

Она соскочила с высокопарного выканья легко и проворно, только и ожидая того, что Эйнар согласится. И все беспокоилась, вдруг ему комфортнее общаться в более вежливом ключе, а она настаивает на том, чтобы перевести все в менее официальное русло. Вдруг она слишком торопится? Вдруг он подумает, что она только и ждет, чтобы прыгнуть на шею какому-нибудь парню?!

Пальцы вдруг потеряли ладонь Эйнара, и Эстер недоуменно несколько раз сжала и разжала ладонь - она настолько погрузилась в свои переживания того, как выглядит в глаза молодого человека, что совершенно не заметила неподалеку Дарсию с ее парнем, и лишь потом заметила, что Эйнар дарит что-то Дарсии, будучи ее Тайным Сантой. Первым делом Эстер хотела завладеть обратно рукой Эйнара, разом наплевав на все приличия, аккуратными кирпичиками выстроенные в ее собственной голове, но он уже ныряет в мешок сифу Урса, откуда мгновением спустя появляется небольшой сверток. Эстер деловито ощупала его и определила, что это что-то мягкое, в чем через несколько секунд, затраченных на обертку, и убедилась - расшитые рукавички! Тепленькие!

- Ой, можно я сама для тебя выберу сверток? - попросила она Эйнара прежде чем он успел достать из мешка что-то еще, и, опережая его, вытягивает затянутый сверху бантом бумажный мешочек, который и преподносит Эйнару.

Стефано Грассини

Конечно, она заметила, как же иначе.

Дарсия все чаще казалась Стефано тонко настроенной скрипкой - с течением времени она начинала все точнее ловить изменения в настроении юноши, обходясь при этом совершенно без магии. И пытаться что-то от нее скрывать становилось делом все более и более бесполезным. Вот и сейчас, как Стефано ни старался держать лицо, Дарсия мгновенно и еще издалека уловила, что передача подарка у него прошла не радостно.

- А что случилось? - уперся Стефано, нисколько не желая рассказывать Дарсии, что он только что нос к носу виделся с парнем, который не так давно пытался девушку не то покалечить, не то вообще загрызть, и что они от этой встречи обоюдно не испытали ни малейшего удовольствия. Тень этой неприятной истории и так уже висела над всеми ее участниками куда дольше положенного, и Стефано совершенно не горел желанием продолжать напоминать Дарсии обо всем этом. - Я участвовал в новогоднем слоне, передал подарок кому следовало. Даже поздравил с Рождеством. Если намекаешь на то, что я кого-то куда-то погнал пинками - отрицаю это обвинение, ничего подобного я не делал. Вел себя прилично. Ничего не произошло, - упрямо повторил юноша, хоть и догадывался по глазам Дарсии, что она ему не верит.

Эйнар Эспеланд

— Если тебе комфортнее на "ты" — значит, давай так и делать, — покладисто соглашается Эйнар. Ему удобнее так, чтобы Эстер не было неловко, чтобы она не испытывала желания избавиться от гнетущего общения как можно скорее. Да и к тому же, этот переход на "ты" приятен, он делает Эстер немного ближе. Крошечный шаг, но сколько их сегодня уже сделано, таких крошечных шагов, гораздо больше, чем за все предыдущие дни, вместе взятые и кажущиеся теперь так бесполезно выкинутыми.

Но с другой стороны — если сегодня действительно происходит рождественское чудо, то в любой другой день его вряд ли получилось бы добиться, сколько ни шагай. На то и чудо.

Стоит на минуту отвлечься на то, чтобы вручить Дарсии её рождественский подарок, и Эйнар почти физически чувствует, как между ними с Эстер рвётся их пока ещё тонкая, ненадёжная ниточка общения. Но, по счастью, обрывается не полностью, восстановить её пока что легко, и мешок с рождественскими подарками великолепно в этом помогает. Эйнар с мягким любопытством смотрит за тем, как Эстер распаковывает доставшийся ей подарок; смотрит куда больше на саму девушку, которая очаровательна в своём целеустремлённом изучении подарка, чем на содержимое свёртка. Улавливает только, что девушке достались рождественские рукавицы, и тут же спрашивает: — Не примеришь?

О том, что он и для себя тоже может достать что-нибудь из рождественского мешка, Эйнар благополучно забывает, считая это несущественным, и потому Эстер тут же влёгкую завладевает инициативой. Эспеланд склоняет голову, соглашаясь: — Конечно. Конечно же, можно. Мне будет... очень приятно, — сознаётся юноша через краткую паузу.

Свёрток, который выбирает девушка, кажется довольно маленьким, но тем не менее, там каким-то непостижимым образом уместается длинный шарф. Тёмно-синий и чем-то расшитый, оленями, что ли, норвежцу сложно с точностью определить рисунок, когда он в него почти не вглядывается. Дерзкое применение шарфу находится за долю секунды — Эйнар свободной петлёй набрасывает его Эстер на шею и плечи. И просит: — Пусть пока побудет у тебя. До конца праздника. Хорошо? Ты не против? — И это, конечно, сентиментально и очень глупо, но после такого шарф будет как будто отчасти принадлежать и Эстер тоже, и оттого хранить его будет особенно важно. Крохотное, глупое свидетельство того, что это Рождество с ними действительно случилось — более слабое, чем принятый Эйнаром из рук

Эстер набор для каллиграфии, но оттого ничуть не менее ценное.

Матвей Болотов

Матвей, конечно, и не ждёт, что его бестолковые выкрики кому-то там чем-то там помогут или наоборот, помешают; он так, работает звуковым сопровождением. Помогает довести картину до полного абсурда. Чернявая девица же настроена слинять так решительно, что на возражения Сигрун практически внимания не обращает, проходит сквозь них как пуля сквозь масло. И напоследок окатывает Матвея уничтожающим взглядом: мол, с психами знаться не желаю. Матвей в ответ недоверчиво фыркает: раз он её подбешивает – а по глазам видно, что равнодушной не оставил – значит, уже не пустое место. Подвираете, барышня.

– А шут её знает. Она тут, похоже, вообще ни с кем толком не общается. Обитатели нашего монастыря её недостойны. Марья Моревна, прекрасная королева, – пожимает плечами Матвей. У него с самого детства именно этот персонаж почему-то стойко ассоциируется с той ещё недорогой, невозможно понять, с чего главный герой так с ума сходил. Но нежелание девушки с ним общаться Матвея толком не колышет. У него к этой жизни подход простой: если ты меня любишь, так и я тебя люблю, а если ты меня не любишь, то и иди ты в баню. Очень, между прочим, удобно.

– А ча, ты бы её пырнула? – с интересом спрашивает Матвей и тянет из кармана пачку сигарет. Хо, чуть новый нож не обмыли прямо на празднике, вот это был бы номер. Матвей зажимает сигарету в зубах, закуривает и прямо сквозь сигарету предлагает: – Да забей. Я фейерверки за двоих посмотрю. Она всё равно так хорошо никогда не сможет.

Сигрун Хилмарсдоттир

В ответ на предположение Матвея Сигрун только фыркнула.

- Ну что ты, конечно, нет. Но думаю, меня бы не поняли, если б я за ней с ножом бегала... Хотя, допуску, это было бы забавно и добавило бы адреналинчику в нашу вечеринку.

Всё-таки интересные люди были здесь, в монастыре. "Ни за чтобы не сказала, - подумала Сигрун, - что это монастырь и есть".

Она представила, как на нее надевают какую-нибудь колючую власяницу, поднимают в пять утра на какую-нибудь нудную проповедь-заутреню, кормят пророщенными зернами... Девушка содрогнулась. В Линь Ян Шо присутствовала дисциплина, само собой, и распорядок дня был не санаторным, но здесь, по крайней мере, и вправду было весело.

- Кто такая Марья Моревна? - спросила она, вспомнив странное имя, которым парень назвал королевичну. - Это что-то из сказок?

Дарсия Давенпорт

- Ну то есть как? - оторопела Дарсия, не ожидавшая на ровном месте получить такой отпор. Для нее все было максимально очевидно: вот Стефано, у которого лицо такое, словно он только что с кем-то грызся или был готов в любую секунду начать

грызться, а вот на краю поляны уже заканчивала мелькать чья-то спина, и Дарси нутром чуяла, что одно с другим непременно связано. Не понимала только пока, как именно связано, а юноша, заупрямившись намертво, напрочь отказывался ей подсказывать.

Один раз не добившись от юноши ответа с наскоку и понимая, что и не выйдет, Дарсия сменила тактику. Ей казалось очевидным, что если сейчас начать прессовать итальянца сильнее, он в ответ только точно так же сильнее заупрямится. Поэтому Дарсия попыталась взять лаской: насколько могла забралась ладонями юноше под воротник куртки, кончиками пальцев поглаживая смуглую шею, и мягко улыбнулась: - Ну еще бы ты кого-то ногами пинал! Если бы ты так некрасиво дрался в людных местах, я бы тебя не полюбила! А что за подарок ты дарил? - словно бы невзначай спросила Дарси, потянулась к Стефано и нежно поцеловала его в губы. Таким нехитрым образом Дарси надеялась если не полностью усыпить, то хотя бы притупить бдительность Стефано и таким образом добиться от него подсказок, а то и выманить полноценный ответ. Ей, конечно, было немного неловко от того, что она так пытается юношей вертеть - а с другой стороны, ну он же сам отказался отвечать, хотя ему явно было чем поделиться.

Стефано Грассини

- Только не воображай, будто я не понимаю, что ты пытаешься сделать, - предупредил Стефано, когда Дарсия сменила тактику и вместо допроса принялась ласкаться к нему, продолжая задавать вопросы на взволновавшую ее тему, но теперь делая это словно бы между делом. Но вместе с тем, все это понимание не защищало его ровно никак, ни от теплых пальцев Дарсии, ни от ее чарующих мягких губ. И её ласковая нежность все так же вышибала ум, заставляя тянуться к девушке снова и снова, не оставляла ни шанса сохранить трезвый рассудок.

- Девочка, что же ты со мной делаешь, - шепнул Стефано и крепче привлёк Дарсию к себе, поцеловал ещё несколько раз, чувствуя, как от упоительной сладости её губ в нем постепенно тает казавшееся таким негибачаемым упорство, как слабеет желание скрывать от неё что бы то ни было. Девушка все так же продолжала лнуть к нему, близкая и тёплая, и ещё несколько поцелуев спустя Стефано сдался, сознавая: - Ладно. Ладно, ты победила, тогда слушай. Мне выпало на новогоднем слоне поздравлять Маркуса. Я подарил ему пиньяту. Подарил и пожелал приятного Рождества, и ни одного слова лишнего не сказал. Наверное, с некоторых ракурсов - это была очень похожая на гиену пиньята, - нехотя добавил Стефано. И поспешил заверить Дарсию: - Но клянусь тебе, малыш, это всё. Просто мне было не слишком приятно его встретить. И только. - И надо же было так испортить рождественский вечер. Стефано всерьёз подозревал, что теперь Дарсия может из-за этой истории расстроиться, и получится у них больше не праздник, а слезы. А так ведь прекрасно вечер начинался. Но чёртов слон и чёртов жребий, чтоб он пропал совсем.

Дарсия Давенпорт

Дарсии пришлось проявить некоторую твёрдость, чтобы за чередой сладких поцелуев не поверить в то, что ничего такого и впрямь не случилось, что она просто склонная драматизировать дуручка и выдумала себе трагические события на ровном месте, когда на самом деле ничего подобного не было. Разве что продолжать настаивать на своих вопросах она сейчас была неспособна, полностью увлеченная горячими губами Стефано - но это, как выяснилось, и не понадобилось, когда юноша сдался практически без боя, разве же это можно боем назвать, когда

она всего только и сделала, что несколько раз его поцеловала, да еще и сама от этого сплошное удовольствие получала.

- Маркуса? Какого Маркуса? - не сообразила было Дарси, уже начавшая было оплакаться от настойчивой ласки. Но быстро вспомнила: ах да, это же кузен Яреци, тот самый. И пиньята в форме гиены немедленно обретала не самый приятный, даже в чем-то зловещий смысл.

- Ну зачем ты ему напомнил, - расстроено сказала Дарси. От Стефано она не отстранилась, продолжая тесно прижиматься к юноше и обнимать его за шею обеими руками, но новость о том, что эту злосчастную историю снова разворошили, ее неприятно огорчила. Если Маркус был хотя бы в половину так впечатлителен, как Яреци, то он несомненно истолковал этот подарок самым горьким из всех возможных способов. Дарси как могла постаралась объяснить: - Я только хотела бы, чтобы это все уже наконец прошло, вся эта злосчастная история с гиеной. Чтобы мы все уже перестали на этом случае останавливаться, отпустили его и начали жить дальше. Мы могли бы это сделать? Ты мог бы? Для меня? Пожалуйста? - спросила было Дарси, пытливо заглядывая юноше в глаза, но почти тут же почувствовала, как у нее тревожно сжалось сердце. Конечно, он не сможет так просто, он же из-за этой истории с гиеной теперь без стихийной магии остался, по вине Дарсии в том числе. Как она могла вообще так, не подумав, просить Стефано просто забыть о том, что ему отчасти изуродовали разум. Идиотка несчастная.

Стефано Грассини

- Того, который в гиеней шкуре по горам скачет, - напомнил Стефано. Его не удивило, что Дарсия не смогла с ходу связать человеческий и звериный облик атаковавшего её парня - во-первых, непонятно, разглядела ли она его тогда как следует, успела ли увидеть его лицо вообще, а во-вторых, по слегка затуманившимся глазам девушки было ясно, что она от этого вопроса уже успела основательно отвлечься. Что, продолжи Стефано её целовать, она и вообще забыть бы могла, о чем спрашивала.

Но нет, не продолжил, решил признаться на свою голову, и у Дарсии тут же огорченно вытянулось лицо.

- Напомнил, чтобы он не забывал, что своего зверя, особенно когда он хищный и клыкастый, нужно держать в узде, а не бросать на вольный выпас, - жёстко сказал Стефано. Сказал и почти тут же ощутил себя за эту жёсткость кругом виноватым: Дарсия огорчилась так, словно это её юноша критиковал и обвинял, и, кажется, совсем из-за этого происшествия расстроилась.

- Ну как же я могу это просто отпустить - а если бы он тебя покалечил? Или хуже того, совсем загрыз? Милая, если бы я тебя потерял? - горячо возразил Стефано. Его до сих пор так до конца и не отпускала мысль о том, что они с Яреци могли замешкаться, не сориентироваться, опоздать, не успеть - и тогда вместо перепуганной, но живой Дарсии нашли бы только её растерзанное тело. Стефано до сих пор с пьянящей, окрыляющей отчетливостью ощущал, что Дарсия жива, что у неё тёплые руки и нежная улыбка, горячее биение солёного пульса на белой шее и восхитительные зелёные глаза, сейчас словно бы потемневшие от огорчения.

- Хорошо. Хорошо, малыш, я постараюсь, - уступил Стефано, чувствуя себя обязанным вернуть на лицо Дарсии улыбку в этот праздничный вечер, тем более, что это, кажется, было сейчас в его силах. - Я постараюсь об этой истории как можно надёжнее забыть. Для тебя. Ну, хочешь, я сейчас догоню Маркуса и извиняюсь перед ним за эту проклятую пиньяту? Только не огорчайся так, милая,

пожалуйста, не огорчайся.

Дарсия Давенпорт

- Я уверена, он уже понял, что если бросать своего зверя без присмотра, то ничем хорошим это не кончится, и для него самого в том числе, - вступилась за Маркуса Дарсия. Ей казалось несправедливым так долго и упорно шпынять человека за одну ошибку и постоянно напоминать ему, как он виноват. Даже если эта ошибка была, как в случае Маркуса, довольно крупной и кончиться могла плачевно. Дарси была уверена, что кузен Яреци уже все понял и больше таких ошибок не повторит.

Уверена-то уверена, но у неё в груди напрочь дыхание сперло, стоило ей услышать, как глубоко и нежно Стефано за неё переживал.

- И ты зол на него именно поэтому? - обезоруженно переспросила Дарси. Её это покорило окончательно - о магии Стефано не произнёс ни слова, по его словам выходило, что он беспокоился лишь о том, чтобы всё было хорошо с девушкой, и это жалило в самое сердце. Дарси тесно прильнула к юноше, вжалась в него всем телом, словно пыталась в нем раствориться, и сумбурно забормотала юноше на ухо: - Что ты, как со мной могло случиться что-то дурное. Ты бы не позволил. Ты никогда этого не позволишь, я знаю. Надёжный мой, любимый мой, - горячо шептала Дарси. Мысль о том, что Стефано может сейчас куда-то пойти у кого-то зачем-то просить прощения, показалась отвратительной, и Дарси горячо потребовала: - Нет-нет, не уходи, сейчас не уходи. Потом с ним поговоришь, куда он от тебя денется. Сейчас я хочу, чтобы ты был со мной, будь со мной сейчас.

Стефано Грассини

- Ты уверена? - с сомнением повторил Стефано следом за Дарсией. Он был категорически не готов вот так просто расточать доверие человеку, который, если уж говорить откровенно, пока не сделал ровным счетом ничего для того, чтобы это доверие заслужить. Даже не то что не готов - банально не умел переходить к столь открытому доверию так скоро, и этим своим умением Дарсия его потрясала и пугала одновременно.

- Именно поэтому, - без тени сомнения подтвердил Стефано и добавил: - Я его, кроме этого, и в глаза-то никогда больше толком не видел, за что же еще мне на него злиться, - у Дарсии, впрочем, явно были еще какие-то версии, но добиваться, чтобы девушка их озвучила, Стефано не стал, полагая, что ничего хорошего из этого все равно не выйдет. Что сейчас гораздо правильнее будет крепко обнять вжавшуюся в него девушку, и слушать ее торопливый шепот, и молча соглашаться с ним.

- Я здесь, - просто ответил юноша, не видя смысла в долгих уверениях, что если он куда-нибудь и пойдет, то только после того, как девушка сама его прогонит, что раз Дарсия готова удовольствоваться обещанием, что он когда-нибудь в перспективе пойдет и извинится перед Маркусом, и постарается как-нибудь худо-бедно наладить с ним отношения, то сам итальянец и подавно не собирается сейчас ее покидать ради сомнительного удовольствия догнать бестолкового оборотня. Возможность провести остаток праздничного вечера рядом с Дарсией, чтобы все время чувствовать рядом ее нежное живое тепло и ежеминутно наслаждаться близостью любимой девушки, выглядела для Стефано несравненно более соблазнительной, и ни малейших шансов противостоять этому соблазну у него не было.

Эстер Хоук

Каким-то непостижимым для нее образом в руках Эстер появляется сразу несколько вещей - рукавички и зеленый волейбольный мяч - его ей подарила девушка, которую она лишь наблюдала в монастыре - и девушка смотрит на эти подарки, немного не зная, что ей с ними теперь делать, как Эйнар подсказывает, что рукавички можно тут же надеть на руки и примерить.

- Да! Да, конечно, - слегка стыдясь своей несообразительности, поддакивает Эстер и, пристраивая мяч под рукой, натягивает варежки на ладони. Немного больше, чем нужно, но в них удивительно тепло и уютно, хоть теперь ее пальцы ограничены в подвижности, и в них они не будут так хорошо чувствовать прикосновения пальцев Эйнара, что окончательно убеждает Эстер в мысли, что как минимум одну руку она может высвободить чтобы за ней оставалась возможность держать Эйнара за руку. Впрочем, завладеть его рукой обратно, к чему она так отчаянно стремиться, испытывая некоторое смущение не только перед молодым человеком, но и перед самой собой - ох уж это пуританское воспитание - ей не удастся и сейчас, потому что Эйнар накидывает ей на шею извлеченный им из свертка шарф. Шарф тоже теплый, и Эстер немного дуреет от осознания, что происходит что-то странное сейчас, на этой поляне, странное, но очень приятное. Ведь Эйнар сам вот сейчас оборачивает шарф вокруг нее, ведь этому должно же быть какое-то объяснение. Которое, тем не менее, застенчивой Эстер трудно принять и понять для себя, потому что так решительно не бывает. С кем угодно бывает, но только не с ней.

- Я вовсе не против, - только и может что проговорить она внезапно севшим голосом, тихо-тихо, боясь спугнуть это странное приятное ощущение внутри, потому что ей и правда приятно. Только теперь непонятно, что делать дальше, и Эстер стоит и смотрит на Эйнара, чувствуя, что в голове нет ни одной связной мысли, только какая-то мешанина из всего, что должно быть в голове. И даже вспыхнувшие на поляне фейерверки никак не могут заставить ее отвернуться.

Эйнар Эспеланд

Против того, чтобы чужой шарф (Эйнар готов передарить его девушке по первому же её слову, стоит ей только захотеть, но всё-таки, формально пока он для неё "чужой") временно обвивал её шею, Эстер не возражает. Эйнару же кажется, это была самая удачная мысль, пришедшая ему в голову за весь вечер, если больше — этот шарф девушке удивительно идёт. Тёмно-синий цвет, не кажущийся таким уж выразительным сам по себе, оказавшись на плечах Эстер, делает её ослепительно яркой, и жарче прежнего загорается рыжее зарево её волос, и голубые глаза вспыхивают колдовской морской бирюзой.

— Эстер, ты прекрасна, — на полном серьёзе говорит Эйнар, ощущая себя сражённым наповал и окончательно пропавшими. Он снова находит её ладонь — сквозь расшитую рукавичку уже не получается так отчётливо и полно ощущать на своих пальцах её тонкие тёплые пальцы, но всё же, её хрупкая ладонь, и Эстер не отнимает руки, — а над их головами разрываются запущенные кем-то из обитателей фейерверки, и у юноши в голове что-то очень похожее, там рвётся и настойчиво жжёт желание поцеловать ослепительно красивую Эстер, борется со страхом напугать девушку излишней прытью.

Эйнар всё же рискует, всё же склоняется к её лицу и целует. Но осторожничают, не ищет губ девушки, а касается губами её нежной щеки, чувствуя сладость тонкой кожи, — а у самого сердце бешеными ударами сотрясает грудь от осознания, как

близка сейчас Эстер, переставшая наконец быть для него манящей тенью, обрётшая плоть и кровь, звонкий голос и смущённую трепетность, и оттого ставшая сердцу только милей.

Эстер Хоук

- Что? - за шумом грохочущих фейерверков она не сразу понимает сказанное, а когда до нее доходит смысл слов Эйнара, девушка вспыхивает, словно факел, заливаясь краской еще гуще, чем когда-либо. - Я не...Нет, конечно нет, разве я могу...Я же просто...Эстер.

Она зажмуривается так сильно, что фейерверки вспыхивают не только наяву, но и внутри, за сомкнутыми веками, а когда вновь открывает глаза, Эйнар оказывается уже совсем близко, что ей совсем некуда отступить, и, странное дело, не хочется. Она лишь замирает на месте напуганным зверьком, таращит глаза на Эйнара, ожидая, что он собирается сделать, и внутри становится почти больно от этого напряженного ожидания. Прикосновение к собственной щеке кажется даже оглушающим, настолько оно неожиданно, дыхание перехватывает, как будто кто-то огромной рукой сжимает ей легкие, что она не может никак вдохнуть. И с одновременным облегчением и сожалением Эстер отстраняется, потому что это...это слишком.

- Так быстро? - испуганно вопрошает Эстер, а у самой колени ходуном ходят, и сердце готово из груди выскочить вот прямо сию же секунду. На щеке будто огнем горит место поцелуя - робкого и невесомого касания горячих мужских губ, но стирать это ощущение со своей кожи Эстер категорически не хочет, и оттого смущается еще сильнее. - Так можно?

А как же чувство, которое должно долго зреть в груди, цветок, что должен распуститься со временем, терпеливо возвращенный долгими днями взаимной симпатии, мимолетными касаниями рук и взглядами, украдкой брошенных друг на друга? То, что так любят описывать в английских романах, принятых Эстер на веру и убедившейся, что только так должны развиваться отношения. Или все это ерунда, только и достойная, разве что, книг и в книгах применяемая для красного слова, а на самом деле все совсем не так?

Эйнар Эспеланд

Эстер отстраняется быстро — так ужасно, ужасно быстро, что Эйнар понимает: даже и со всей осторожностью, поцелуй был уже глубоко за гранью дозволенного. Юноша не знаток романов о любви, и даже не англичанин, но понять, где он был неправ, можно и без этого: первое же испуганное слово, произнесённое девушкой, объясняет ему всё, словно вспышкой молнии подсвечивает его грубую ошибку. Вот оно, ключевое — "быстро". Конечно же.

— Я смотрю на тебя уже давно, — отвечает Эйнар. Но это не оправдание, это ни в малейшей степени не отменяет того, что он, поддавшись своему желанию поцеловать Эстер, совершенно не подумал о том, что девушка может быть против, что она вовсе не обязана отвечать ему симпатией, не захотел об этом подумать.

Что, кроме всего прочего, она, очень вероятно, до этого вечера никогда даже в глаза его не видела — об этом он тоже подумать не захотел.

— Конечно, для тебя это быстро, — признаёт Эйнар, не уверенный, что он может сейчас сделать что-то более правильное и уместное, чем признание своей вины. —

Конечно, ты же меня сегодня впервые видишь. Прости, я не должен был. Тебе... было неприятно? Боже. Я меньше всего хотел тебя обидеть, Эстер, — его передёргивает от мысли, что девушке могли быть отвратительны губы, лезущие ей в лицо, и следом Эйнар немедленно становится противен самому себе. За то, что не сумел свои эгоистичные "хочу" при себе сдержать. За то, что увидел Эстер так близко и сразу голову потерял, и даже взять себя в руки не попытался.

Эстер Хоук

Даже сложно понять, у кого растерянности на лице больше — у Эстер, чье сердце заходится ходуном, словно она бегом преодолела весь путь от монастыря до этой поляны, а потом еще несколько таких кругов, или у Эйнара, растерянность которого смешивается с сожалением, так что девушке сразу становится стыдно за свое нелепое поведение. Как будто один единственный поцелуй — это что-то ужасающее, отвратительное, неприятное, когда это совершенно не так. Она так, конечно, так не думает, вовсе нет, но ее это...пугает.

- Давно? — невольно переспрашивает она, цепляясь за это слово, которое вдруг поясняет ей этот неожиданный для нее подарок от Эйнара, и весь смысл его поступка становится сразу простым и понятным — давно. А она-то хороша, совсем не смотрит по сторонам, ни разу не подумала, что, может быть, все может быть совсем иначе, и совсем не обязательно терзать себя неразделенным чувством, на котором пора уже поставить точку. И потому до сегодняшнего дня она совсем не обращает ни на кого внимания, а стоило бы.

- Нет-нет, это совсем не так! — отчаянно протестует она, отвоевывая себе обратно тот день, на лекции по истории Китая, где она все же видела Эйнара, но была так увлечена собственными переживаниями относительно другого молодого человека, которому была так вопиюще неинтересна, что это почти причиняло боль. — Я помню, я видела на занятиях, это не впервые...

Но дальше ее слова заканчиваются, потому что одно дело — просто видеть и сидеть в пределах одной комнаты, слушая наставника, и совсем другое — общаться вот так, когда ее рука, пусть и в рукавике, но все еще в его ладони, и так тепло и уютно, что не хочется эту руку отдергивать.

- Я не обиделась, - в итоге говорит Эстер после мучительных размышлений, краска наверняка уродливо заполняет ее лицо от самой шеи до лба, прикрытого рождественской шапкой, что она вся становится по цвету как эта шапочка с помпоном. — Я не ожидала. Я не думала, что так может быть. А ты можешь сделать так еще раз? И я пойму, это приятно или...

Эйнар Эспеланд

Надежда на то, что Эстер не обижена и не уйдёт, продолжает трепетать под самым сердцем и всё никак не замрёт, потому что сейчас Эйнар видит веский повод обманывать себя этой надеждой. Вот она, доверчивая ладонь девушки в его ладони, и Эстер не спешит её отнимать, не делает для этого ни единого движения. Это отсутствие жестов для юноши обращается в очень важный жест, в немое согласие не обрывать на этом их общение, дать ему второй шанс.

Главное — держать при себе свои бестолковые губы, думает Эйнар, даже не представляя себе, как быстро он от этих слов откажется.

Эстер тем временем вспоминает, что они пересекались на одной из лекций мастера Ньяо. Но по тому, как она тщетно ищет слова, как быстро они кончаются у неё на

губах, становится понятно, что для неё это "пересекались" и не более, что она внимала лекции и не отвлекалась. Тогда как Эйнар гораздо отчётливее, чем судьбу древнего китайского царства, помнит яркие рыжие волосы, густой волной стекающие по прямой девичьей спине, и самому стыдно и сладко вспоминать, как шевельнулся под рёбрами первый росток чувства — а сейчас этим чувством пронизана уже вся грудь, оплетена как вездесущей гибкой лозой. Но наивно и глупо пытаться ждать от Эстер того же, и Эйнар мягко соглашается: — Но занятия — это совсем не о том. Я понимаю.

Пока девушка размышляет над его угловатыми вопросами, оказавшимися для неё, как видно, слишком сложными, Эйнар смотрит, как её лицо, её щёки покрываются густой краской, как краска скрадывает россыпь трогательных веснушек, но не скрывает их целиком — или Эйнару это чудится, и он просто придумывает себе эту бесконечно милую деталь. Придя же наконец к решению, Эстер не просто разрешает — просит поцеловать её ещё раз, и это немедленно выбивает из головы у юноши все благие намерения.

— Если ты разрешаешь, то я буду только счастлив, — серьёзно говорит Эйнар. Пользуясь дарованным разрешением, он вновь склоняется к Эстер и снова прикасается губами к её нежной щеке. Целует уже увереннее, чем в первый раз, немного дольше, немного настойчивее льнёт губами, всеми силами старается не ошалеть от того, что волшебные мгновения повторяются ещё раз, — и успевает отстраниться до того, как Эстер начнёт уворачиваться сама. Губы, однако, продолжают остро помнить прикосновение к тонкой коже, пока Эйнар вопросительно смотрит на девушку, пытаясь уловить по её лицу, как она отнеслась к поцелую в этот раз.

Эстер Хоук

Ей так стыдно за себя и собственную невнимательность - погрузилась в свои мысли, свои чувства, и перестала замечать все вокруг, только и делала, что думала о Сонгцэне, не догадываясь, что вовсе не он, как она мечтала, обратит на нее внимание, а совсем другой юноша, ничуть не хуже, а в чем-то, оказывается, еще и лучше. Но, наверное, глупо, ужасно глупо так думать, нечестно по отношению к Эйнару, который заметил *давно*, и все это время носил в себе это "давно", смиренно ожидая подходящего повода. Глупая, очень глупая Эстер, которая совсем не смотрит по сторонам.

- Я...я разрешаю, - неловко подтверждает девушка, и дыхание скрадывает в легких, когда она понимает, что лицо Эйнара снова оказывается так близко, что она может почувствовать его дыхание на своей щеке, и на этот раз ей только лишь немножко страшно и опасливо, ведь такой момент бывает только один единственный раз в жизни. И от осознания, что этот момент происходит прямо здесь и сейчас, Эстер становится трепетно и приятно. Или приятно ей все-таки от того, что Эйнар касается губами ее щеки, и место поцелуя горит, и она не сразу понимает, что юноша уже отстранился и ждет от нее какой-то характеристики этому поцелую.

А она говорить не может, у нее в голове пусто-пусто, и слова также разбегаются, как разбегаются мысли, никак не собрать воедино. Она и смогла только что пошевелить рукой в ладони Эйнара, устраивая рукавичку удобнее, уютнее, как будто это все, на что была способна сейчас.

- Это приятно, - наконец-то нужные слова находятся, и Эстер говорит с детской честной серьезностью, потому что дело-то и правда требует ответственности, всю,

на которую она только способна. - Это очень приятно, - повторяет она, усиливая собственные впечатления от произошедшего, и делает шагок вперед, ближе к Эйнару, хотя больше не предпринимает никаких решительных действий.

- Ох, мы же остались здесь совсем одни! - вдруг замечает она, удивленно рассматривая поляну, на которой уже отгремели фейерверки, и все остальные разбрелись, кто куда, только едва горит на поляне костер, оставленный без присмотра. Но это не опасно, здесь кругом снег, ему можно гореть.

Эйнар Эспеланд

Разрешение на поцелуй, которое Эстер так щедро дарит ему этим рождественским вечером, разрывает грудь изнутри почти непрерывно — начиная с того самого мига, когда это разрешение впервые звучит вслух, и ещё долго, долго после. Это чем-то похоже на незатихающие раскаты грома, которые, верно, должны сотрясать всю грудную клетку, — понимание того, что было и врезалось в память, как выжженное. Было осторожное согласие Эстер, и долгое прикосновение к нежной девичьей щеке, не украденное, а дарованное, и всего этого так много для первого вместе проведенного вечера, что впору захлебнуться, как нахлынувшей океанской волной.

Юноша замечает, что праздник окончен и поляна опустела, лишь после того, как Эстер указывает ему на это. Его поля зрения, и без того печально невеликое, теперь и вовсе сужается до одной только Эстер. Как она с ученической честностью решает, понравился ли ей неловкий поцелуй, едва заметно сводя к переносице тонкие брови, как всё же признаёт прикосновение губ к её щеке приятным — и тем самым дарит осторожную надежду, что, возможно, она однажды допустит повторение сегодняшнего вечера. Как делает крохотный шаг навстречу — и в этот миг мир делает попытку качнуться и провалиться в никуда, исчезнуть, позволить этому аккуратному шажку заслонить собой всё прочее.

Но замечание девушки всё же с лёгкостью выдёргивает Эспеланда из небытия.

— И правда, никого. Ты знаешь... мы, похоже, проморгали весь праздник, — отмечает Эйнар скорее с удивлением, чем с сожалением, обводя опустевшую поляну быстрым взглядом и вновь останавливаясь на лице Эстер. Кавалер из него весьма средней руки, потому что правилам этикета его толком никто никогда не учил, но то, что нельзя позволять девушке, а уж тем более — такой девушке как Эстер, ночами ходить по лесу в одиночестве — это совершенно прописная истина. — Ты остаёшься на ночёвку здесь или возвращаешься в монастырь? Куда тебя проводить? Если позволишь.

Эстер Хоук

Эстер все недоумевает, как же так получилось, что она совсем упустила из виду - кроме стоящего перед ей Эйнара и собственной ладони в его руке - что все уже давно разошлись, и на поляну, помимо сумерек, опустила уже звенящая гулкая и уютная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием бревен в оставленном гореть на ночь костре. Искры взвиваются вверх и пропадают в ночном, темнее всяких чернил, небе, на котором уже зажглись, наверное, миллионы маленьких звездочек. Красиво. Спокойно.

А скоро ей нужно будет уезжать, чтобы поступать в колледж. Неотвратимость этого настигает Эстер и накрывает с головой. Совсем скоро, уже летом, но, кажется, до лета все же есть еще немного времени. Ведь еще только Рождество. И она уедет не

навсегда, она так думает. Ей не хочется сейчас об этом думать, и Эстер выталкивает настырные мысли из головы, бросая их в костер неподалеку. Так, как учил сифу Ху.

- Я думала вернуться обратно, - Эстер не избалована, она может и здесь остаться, но заранее не думала и не готовилась к ночевке в горах, ничего с собой не захватила, никаких вещей или чего-то еще, необходимого для такого приключения. А в жилом корпусе ее ждет футон, фотография братьев в рамке на комоде, теплая пижама и прочие милые сердцу вещицы, что она привезла с собой из дома, надеясь, что это поможет ей с уютом обустроить пустоватую комнату. - А ты? Если ты хочешь остаться, не нужно меня провожать, я не боюсь возвращаться одна.

Она улыбается вопросительно и даже как-то слегка заискивающе. Она и правда не боится, она же умеет ориентироваться в горах, и тропку до монастыря прекрасно видит, но можно же взять с собой один из факелов, чтобы освещать дорогу, хотя зачем, она и сама как факел, способна свой путь осветить огоньком на ладони.
